

ЭРИК ОРСЕННА

[220]

ил 9/2022

Грамматика – тихая песня

*Перевод с французского, вступление и послесловие
Алины Поповой*

От переводчика

Вступление

“Грамматика — тихая песня” Эрика Орсенна — очень известная книга. Она вышла во Франции в 2001 году и уже трижды переиздана. Успех был так велик, что автору пришлось написать четыре тома продолжения. Читатели и критики сравнивают эту книгу с “Алисой” и “Маленьким принцем”, а из более современного — с педагогическим бестселлером Даниэля Пеннака “Как роман”. Некоторые считают, что эта книга — про французский язык. И поэтому ее невозможно перевести. Но при этом она уже переведена на пятнадцать языков, в том числе на китайский.

Взрослая это книга или детская, сказать трудно. Взрослая — не только потому, что она нравится учителям, которые преподают язык и литературу, родителям и всем, кто любит читать и радуется хорошо написанному тексту. Не только потому, что начинается с пародии на формализованные до предела методики школьного образования. А еще и потому, что это волшебная и грустная сказка, в том числе и для взрослых. Кто же пишет детские сказки про развод родителей, про то, как близкие не понимают друг друга, но все равно им приходится уживаться вместе, про то, что бывают

люди, более чуткие к словам, а бывают — к музыке, и, наконец, про то, как сложно живется школьным учителям?

Орсенна объяснял, что написал эту книгу потому, что, при всем уважении к сегодняшним преподавателям, он не понимает вопросов и заданий, которые должны выполнять в школе его собственные дети. По его мнению, литературе и особенно языку в сегодняшней школе учат скучновато, детей перегружают научными терминами и сложными схемами, а для воображения и радости просто не остается места. Впрочем, каждый из нас, вероятно, сталкивался с бесконечными дискуссиями о том, почему дети нынче не читают и неграмотно пишут, так что убеждать в актуальности этой темы не приходится.

Взрослые, вероятно, оценят и такое неожиданное обстоятельство. Орсенна — член Французской академии и политический деятель, он был советником по культуре при президенте Франсуа Миттеране, потом — членом Госсовета Франции. Однако чтобы выразить свое критическое отношение к тому, как учат языку и литературе в сегодняшних французских школах, он написал не статью, не циркуляр и не речь, а сказку, которая помогает взрослым и детям вспомнить, что язык — это живое существо, что с ним можно играть и любить его.

Причем совершенно неважно, какой язык, французский или русский, — ведь творческий, игровой подход, конечно же, возможен к любому человеческому языку. Одна из героинь нашей сказки, мадемуазель Лорансен, — молоденькая учительница, которая страшно любит Лафонтена, но при этом не боится объяснить детям на уроке, что значит слово “экскремент”, — говорит своим ученикам: “...вам достался один из самых прекрасных языков на земле. Язык и есть ваша родина. Разбирайтесь, как он устроен, придумывайте свой собственный. И всю жизнь он будет вам самым близким другом”.

Во время кораблекрушения Жанна и Тома теряют дар речи, а на волшебном острове постепенно обретают его заново. Жанна учится играть со словами-бабочками, они садятся на бумагу — получаются фразы. Случайно она открывает запретную дверь — и знакомится с тремя французскими писателями. Она украдкой заглядывает в их тексты, чтобы понять, как же они пишут, в чем разница. Дальше — несколько коротких и немудрящих диалогов, но это разговор о сути литературы, о связи формы и содержания. Вот Жанна встречает Марселя Пруста (а про него любой француз узнаёт в школе, что он писал очень длинными предложениями и мучился приступами астмы):

“Тут я догадалась, почему он задыхался. Наверно, это длинные предложения обматывались вокруг шеи и мешали ему дышать.

— Почему ты пишешь такими длинными фразами?

— Если хочешь поймать рыбу, которая плавает у самой поверхности, можно ловить на короткую леску с одним крючком. А для других, глубоководных рыб нужны очень длинные снасти.

— Как твои предложения?

— Да, ты все правильно поняла. Теперь, пожалуйста, дай мне поработать. Когда я отвлекаюсь от своих фраз, мне еще труднее дышать.

— Мне так тебя жалко. Я буду тебя защищать, всегда.

— Спасибо, Жанна”.

Об этой книге пишут, что она подходит всем детям от 9 до 99 лет. Собственно, всем, кто любит играть.

Орсенна рассказывал, что перед первым изданием книги его уговаривали убрать из названия слово “грамматика” — дескать, оно навеивает на французских читателей такую тоску, что книга не будет продаваться. Писатель отстоял свое название — и вот: во Франции продано около 500 000 экземпляров этой сказки. Взрослые, которые хоть немного интересуются книгоизданием, поймут, насколько это фантастические цифры.

В этой сказке, как в любой хорошей книге, — несколько слоев. Один из них — грустная история про то, как дети попали в кораблекрушение и уцелели — единственные из всех пассажиров и экипажа своего корабля. Так они оказались на волшебном острове и встретили необычных людей.

Другой слой: это книга про язык, про то, как живут слова, как они связываются друг с другом, подчиняются одним законам и нарушают другие.

Третий слой: оказывается, мир, который описал Эрик Орсенна и в котором есть голубое прозрачное море, пальмы, хижины на берегу и темнокожий месье Анри с гитарой, — не придуман им самим. Образ этого острова, как и название книги — “Тихая песня”, пришел из творчества темнокожего певца с гитарой — французского шансонье Анри Сальвадора. Его отец и мать родились на Антильских островах — может быть, поэтому стал он писать именно такие песни: поэтичные и солнечные, немного наивные. Мир, созданный Анри Сальвадором, очаровал слушателей, сегодня уже можно сказать, “старшего поколения” (этот шансонье родился в 1917-м и умер в 2008-м). В России его творчество мало кому известно, и мы не можем рассчитывать на то, что для наших читателей эта отсылка будет такой же понятной, как для французов. Дело в том, что Эрик Орсенна цитирует в своей сказке несколько фрагментов из песен Сальвадора, и заглавие книги взято из того же источника, мало того: писатель и своего героя с гитарой назвал по одному из дисков Сальвадора — “месье Анри”. А сам месье Анри, один из главных героев, можно сказать, “дух острова”, — довольно сильно напоминает этого барда, о чем пишут многие французские критики.

Что же в такой ситуации делать переводчику? Как показать путь в этот мир, который в России не известен ни детям, ни большинству из родителей? Написать длинное примечание о том, кто такой Анри Сальвадор, перевести для примера несколько его песен — можно, но это не создаст атмосферы, не передаст яркого света тропического солнца и шелеста пальмовых листьев... Ведь в книге цитаты из его песен совсем маленькие.

Но у переводчиков есть другой прием: заменять одну языковую игру — другой, подобной. Поэтому я и решила заменить один островной мир, от которого в книжку попала только частичка, а весь он нам, к сожалению, не виден и не известен, переводом кусочка песни этого не изменишь, — другим островным миром, который еще хорошо помнится читателям. Это

мир островов и корабельной романтики, который придумала наш поэт и бард Новелла Матвеева.

Ее “страна Дельфиния и город Кенгуру” очень напоминают волшебный остров, на который попали Жанна и Тома. “Шел кораблик, шумел парусами, не боялся нигде ничего” — это корабль, на котором они путешествуют. “Какой большой ветер напал на наш остров” — буря, вызвавшая кораблекрушение. Но это, конечно, не главное: у нас не так уж мало песен про острова и корабли, но совсем не во всех оживают слова, ведется игра с языком. Ведь задача Эрика Орсенна — как раз то, о чем пишет Новелла Матвеева: “Когда потеряют значение слова и предметы, на землю для их обновленья приходят поэты”...

Александр Городницкий вспоминает, как он удивился, когда, приехав в Австралию, узнал, что в море неподалеку от портового города Мельбурна находится остров Кенгуру. Для него это была строчка из песни Матвеевой. Может быть, где-то найдется и остров Эрика Орсенна.

Посвящается Жанне и Жану Кэроль

Благодарю Даниэль Леман,
преподавателя грамматики
в университете Париж-Х-Нантер.
Ее знания и утонченное чувство языка
были мне дружеской поддержкой
в этом путешествии.

I

СО мной шутки плохи.
С виду я тихая, скромная, витаю в облаках и ростом не вышла, хотя мне уже десять. Но попробуй меня тронь — такое устрою! Родители, спасибо им за это огромное, подарили мне самое боевое имя на свете — Жанна. Как Жанна д’Арк, гроза англичан, пастушка, ставшая во главе целого войска. Или Жанна из Бове, которой дали прозвище Ашетт — топор, потому что она с топором в руке защищала свой родной город от солдат Карла Смелого.

А ведь это еще только самые известные Жанны.

Даже мой братец Тома́, которому уже четырнадцать, старается мне не перечить. Хоть он и мальчишка, а от них, понятно, добра не жди, но и он усвоил, что со мной лучше жить мирно.

Вообще-то, на самом деле, я такая и есть: тихая, скромная, витаю в облаках. Даже если дела хуже некуда. Впрочем, вы сами увидите.

Дело было в марте, накануне весенних каникул: ягненок в тот жаркий день зашел к ручью напиться. А на прошлой неделе мы узнали, как журавль свой нос по шею засунул волку в пасть. А до того слушали про лягушек, которые просили у богов царя...

Уже поняли? По вторникам и четвергам в нашем классе полно разных зверей, а приводит их учительница. Молоденькая мадемуазель Лорансен влюблена в Лафонтена. И мы с ней гуляем из басни в басню, словно по загадочным тенистым садам.

— Послушайте, как это сказано:

Свинья под Дубом вековым
 Наелась желудей досыта, до отвала;
 Наевшись, выпалась под ним;
 Потом, глаза продравши, встала
 И рылом подрывать у Дуба корни стала.

Или вот это:

Пррочь, жалкий экскремент, земных глубин позорр!
 Вот так однажды Лев
 На Комара излил свой гнев,
 Но тот ему бесстрашно дал отпор¹.

Когда мадемуазель Лорансен читает Лафонтена, она то краснеет, то бледнеет — как и положено влюбленным.

— Смотрите, всего-то несколько строк, но какой живой рассказ получается. Сразу ясно, до чего противная эта свинья... А во втором фрагменте — прислушайтесь: прямо в тексте звучит рычание льва...

— Мадам, а что такое “экскремент”?

— Просто какашки, Жанна.

Да уж, наша учительница, не смотрите, что молоденькая и блондинка, за словом в карман не лезет — спокойно называет вещи своими именами.

— Слушайте, вам повезло, вам достался один из самых прекрасных языков на земле. Язык и есть наша родина. Разбейтесь, как он устроен, придумывайте свой собственный. И всю жизнь он будет вам самым близким другом.

1. Фрагмент из басни Жана Лафонтена “Лев и комар” дан в нашем переводе. В классических переложениях нет умного слова, которого не знает Жанна. Остальные фрагменты басен Лафонтена цитируются в переводах И. А. Крылова. (Здесь и далее — прим. перев.)

Тем мартовским утром в класс вместе с месье Безансоном, нашим директором, явилось какое-то засушенное существо. Мы не успели даже понять, мужчина это или женщина, — зато вокруг сразу повеяло холодом.

— Здравствуйте, дети, — начал директор. — Сегодня у вас на уроке будет присутствовать мадам Вобланó: она осуществляет плановую проверку...

— Не будем тратить время, — перебила гостя, и директор выкатился вон из класса (хотя вообще он ужасно строгий, я никогда еще не видела его таким покорным). Потом она кивнула нашей мадемуазель Лорансен: — Продолжайте. С того места, где остановились. Не обращайтесь на меня внимания.

Бедная наша учительница! О таком скелете разве забудешь? Но она потеряла ладони, набрала побольше воздуха и бодро начала:

Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягненка видит он...

— Ягненок, или агнец, как вы знаете, — воплощение невинности, безобидное создание. Говорят “кроткий, как ягненок”, или “мягкий, как шерстка ягненка”. По первой строчке мы представляем себе мирную, безмятежную картину. Ягненок появился у ручья случайно, ведь можно было сказать: “ягненок пришел попить”, а в басне — “зашел”, значит, мог и не зайти. Во второй строке ситуация накаляется: по слову “беда” мы уже понимаем, что ягненка ничего хорошего не ждет. В третьей узнаём, что поблизости рыскал волк. “Рыскал” — емкое слово: в нем слышится и *искал*, и трусил *рысью*... И еще это глагол несовершенного вида: помните, я вам объясняла, что это означает незаконченность действия: в третьей строке он еще не заметил ягненка, еще могло бы случиться чудо... Но: “ягненка видит он”. Вы обратили внимание, что время изменилось? Сперва все было в прошедшем (зашел, рыскал), а тут — настоящее. Волк видит ягненка *сейчас*. Вот оно, волшебство: слова могут сами показывать то, о чем они говорят. Мы с вами здесь, в классе, но на этом “видит” мы как будто оказались рядом с ними, у ручья: вот волчище, он долго *рыскал*, он страшно голодный, вот маленький белый ягненок, он случайно *зашел* к ручью, и тут волк...

Мадам Воблано явно нервничала. И все громче постукивала по парте ногтями, покрытыми ярким фиолетовым лаком.

— Ближе к теме, мадемуазель, меньше эмоций и ближе к теме!

Лорансен шагнула к окну, словно хотела позвать на помощь, и продолжала:

— Лафонтен в этой басне играет со временами глаголов. Мы ведь не ожидали здесь настоящего времени, было бы естественно так и продолжать в прошедшем: “волк увидел ягненка”, но в этом не было бы напряжения, мы бы не поняли, что именно сейчас что-то произойдет. И вы заметили, конечно, необычное ударение: “на дóбычу”? В те времена оно было допустимо, а сейчас стало профессионализмом, так говорят только шахтеры... А дальше — второй глагол в настоящем времени: “на добычу *стре-мится*” — мы чувствуем скорость, волк бросается на ягненка, не раздумывая. И уже понятно, что ягненку от него не уйти.

— Ясно, ясно. Нечеткость, туманные рассуждения. Вы пересказываете текст, вместо того чтобы дать ученикам представление о нарративной структуре. Как происходит тематическое развертывание? Каковы речевые характеристики персонажей? Что перед нами: рассуждение или повествование? Вот ключевые вопросы, вокруг которых должен строиться урок!

Скелетиха-Воблано встала и направилась к двери:

— Мадемуазель, у вас нет никаких методических навыков. Вы не следуете рекомендациям министерства. Не прививаете учащимся научный подход, не знакомите с терминологией! Ни слова не сказали об основных формах речи — повествовательной, описательной и аргументативной!

Для нас все эти умные слова, конечно, звучали полной тарбарщиной. Похоже, что и мадемуазель Лорансен они не слишком нравились:

— Видите ли, мадам, все это очень сложные понятия! А мы им ученикам нет еще и двенадцати, это ведь пятый класс.

— Ну и что? Школьники должны приобщаться к современным научным разработкам, это их право.

И тут прозвенел звонок.

Скелетиха-Воблано уселась за учительский стол, вытащила какой-то бланк, заполнила его и протянула нашей бедной заплаканной мадемуазель.

— Милочка, необходимо срочно восполнить ваши методические пробелы. Вам повезло: курсы начнутся послезавтра. Адрес института, где они проходят, указан на бланке. И нечего хныкать, неделя интенсивного повышения квалификации — и вы поймете, как нужно работать.

Она ослабилась: “До свидания, дети”.

Мы молча сидели на своих местах.

Мадам Воблано в сопровождении Безансона, который с той же подбострастной улыбочкой дожидался ее в коридоре, устремилась на поиски новых жертв.

* * *

Вообще-то, в тот день нам полагалось вопить от счастья, петь и плясать, ведь начались каникулы. А мне к тому же предстояло переплыть Атлантику на корабле. Но мы сидели тихо. Глядели друг на друга, приоткрыв рот, как рыбки в аквариуме. То, что случилось с нашей мадемуазель Лорансен, нас потрясло. Что за “интенсивное повышение квалификации” ждет ее в этом ужасном институте? Вот уж не думала, что для учителей тоже придуманы учителя. И что эти учителя учителей такие строгие и страшные.

* * *

Ночью мне приснилось, что кто-то пытается клещами вскрыть мне череп и затолкать туда пригоршни слов, которые уже были наготове, — сушеные, словно рыбы скелеты. К счастью, Лев, Комар и Ягненок защитили меня и прогнали злыдня с клещами.

А вечером следующего дня мы с братом были уже на корабле.

II

Буря началась, как все бури. Горизонт качнулся, столы поехали вбок, стаканы зазвенели, наталкиваясь друг на дружку.

В честь того, что мы вот-вот прибудем в Америку, капитан теплохода организовал в самой просторной каюте “международный чемпионат по скрэбл”. Ну вы знаете, скрэбл — такая странная, довольно занудная игра, ее еще называют “эрудит”. На пластмассовых квадратиках выдавлены буквы, и нужно собирать из них редкие слова. И чем более редкое слово ты выдумашь, чем больше в нем всяких невообразимых букв, вроде “ф” или “щ”, тем больше получаешь очков.

Чемпионы и чемпионки по редким словам переглянулись. Поблуднели. А потом один за другим вскочили и выбежали из каюты, зажимая руками рот. Одна наглаженная дамочка не успела выбежать вовремя, и зеленоватая жижка потекла у нее между пальцами. Она жутко смутилась.

На столах остались квадратики с буквами и раскрытые словари.

Тома взглянул на меня: он был страшно доволен. Хорошо, что он у нас воспитанный, а то бы просто заржал в голос.

Надо вам сказать, дорогие читатели и читательницы, что мы с братом больше всего на свете любим, когда на море штормит: других пассажиров выворачивает наизнанку, кают-компа-

ния пустеет, а мы пируем в свое удовольствие, к полному восторгу экипажа, пораженного нашим аппетитом.

К нам подошел капитан:

— Ну вы, ребята, даете. Настоящие морские волки. Где это вы так привыкли к качке?

У меня на глаза навернулись слезы (да, я много чего умею, например, плакать, когда сама захочу).

— Ах, месье. Если бы вы знали нашу грустную историю...

И в очередной раз я рассказала о разводе родителей. О том, как они не смогли ужиться вместе и приняли мудрое решение — чтоб не ругаться с утра до ночи, поселились по разные стороны Атлантики.

— Понятно, — с сочувствием пробормотал капитан. — Но есть же самолеты... Вы не летаете самолетами?

— Чтобы разбиться на взлетной полосе, как наша бабушка? Нет уж, спасибо, никаких самолетов!

Тома даже прикусил себе кожу на запястье, чтобы не расхохотаться.

Спасибо вам, папочка и мамочка, что вы разлюбили друг друга. В нормальной семье нам никогда не досталось бы столько путешествий.

III

На этот раз штормяга разыгрался не на шутку. Он не просто пошлепывал по океану, как мамаша, на радость младенцу вспенивающая воду в ванне, — стихия разгневалась по-настоящему и с каждой минутой свирепела все больше. Она злобно швыряла нашу несчастную посудину, обрушивала на нее водяные горы, увлекала в чудовищные бездны. Кораблик стонал и вздрагивал, как будто ему, раньше такому храброму, становилось все страшней и страшней. Я падала, поднималась, снова падала, скользя по полу, который внезапно уезжал куда-то вбок, наставила себе синяков. Разодрала щеку об угол стола. Теперь и меня укачало: все внутренности сотрясались от каждого удара волн. Сердце, казалось, вот-вот выскочит, желудок — тоже, в голове перемешались все извилины.

* * *

Нет ничего на свете заразительней страха. Наш весельчак-стюард давно перестал улыбаться, блондин лейтенант, мой будущий жених, тоже помрачнел, а чернокожий повар, которого еще недавно так радовало наше с братом обжорство, совсем сник. Они подскакивали от каждого удара волн, обруши-

вающихся на наш кораблик, и жмурились, словно волны били прямо по ним; они цеплялись друг за друга и корчили рожи. Может, они так молились: я видела, что у них шевелятся губы.

Меня охватила какая-то странная слабость: в ту минуту я была готова простить моему братцу все прошлые обиды. Когда приходит последний час, забываешь о гордости.

Но перед смертью мне хотелось глотнуть свежего воздуха.

Я схватила брата за руку, и, когда суденышко накренилось от очередной волны, прокатившейся от кормы к носу, мы бросились к двери, ведущей на мостик.

— Назад! — крикнул лейтенант. — Вас смоеет волной!

Они очень хотели удержать нас, но куда там! Кораблик уже снова задрал нос к небу. Бедный наш экипаж! Такими они и остались у меня в памяти: трое мужчин, распластанных на белой переборке.

Снаружи дышать было невозможно: дул такой ветрище, что я задохнулась. Как будто кто-то дал мне кулаком в нос. Я пыталась бороться: отворачивалась как могла. Но ветер разгадал эту жалкую хитрость и прорвался сквозь барабанные перепонки; в моем черепе словно устроили генеральную уборку: ветер вышвырнул все школьные знания, в одно ухо влетели, в другое вылетели все эти уроки истории, даты, которые было так трудно запомнить, неправильные английские глаголы... В голове стало пусто-преписто.

Тома тоже зажимал уши, глаза у него были круглые от ужаса.

Длинный гудок сирены — приказ всем срочно перебираться в спасательную шлюпку.

Ну что, Жанна, дело ясное — это конец. Бежать за спасательным кругом поздно. Корабль тонет — за что уцепиться?

В голове было пусто, но я судорожно искала хоть какую-нибудь зацепку. Всплыло одно слово, последнее. Оно пряталось в уголке — три слога, перепуганных, как и я сама. “Мурашки”. Когда что-то серьезное, у меня всегда мурашки. От смущенной папиной улыбки, когда он наконец решил “поговорить со мной как со взрослой”. От того, как мама, если я не могла заснуть, клала мне руку на лоб, или от голоса Тома, когда он поздно ночью рассказал мне, что ему очень нравится одна старшеклассница. Мурашки — мурлыканье и шепот, мне снова захотелось жить, еще тысячу лет, а может, и больше.

Я крикнула брату:

— Выбери слово, свое самое любимое!

Из-за грохота он, скорей всего, меня не услышал. Чертова буря так рассвирепела, что у нас не оставалось ни малейшего шанса. Я только успела проорать Тома, что я его ненавижу, и еще — что я его люблю.

Выбрал ли он себе тогда слово и какое? “Феррари”? “Футбол”? Я никогда его об этом не спрашивала. Главные слова — такое же личное дело человека, как цвет крови. Уверена, что над моим выбором Тома бы посмеялся: “мурашки”, ну да, чего еще ждать от девчонки!

Медленно-медленно, и Господи, как это было долго и страшно, корма нашего кораблика вздымалась к небу, на котором не было солнца.

Я полетела вниз, “мурашки”, я повторяла это слово и мне казалось, что оно раздувается, словно шея токующей птицы весной, и я уцепилась за него обеими руками: мое слово — мой спасательный круг.

Потом черный свет погас, грохот смолк, а с ним и все звуки. Больше ничего не было.

IV

Сперва что-то куснуло кожу на голове, как будто вши завелись, хотя ничего подобного со мной не случилось уже с прошлого января.

Потом уши уловили какой-то очень тихий скребущий звук — словно кто-то устало тер палубу шваброй или шкрябал по терке кусочком сыра.

И, наконец, ноздри учуяли приятный аромат: пахло солью и мокрой землей.

В моем затуманенном мозгу сработала нехитрая арифметика:

голова жива	
+	
два уха живы	
+	
нос жив	
———	
итога: Жанна жива	

Не успела я осознать эту прекрасную новость (получается, я не погибла в кораблекрушении!), как на меня нахлынул черный ужас: где Тома? Я медленно-медленно открыла глаза. Он был тут! Мой кошмарный братец сидел на песке и совершенно неприлично почесывал пятую точку. Нисколько не интересуясь судьбой родной сестры! Буря его ничуть не изменила: как был эгоистом, так и остался. Он открыл рот, наверно, хотел сказать мне какую-нибудь гадость, как всегда. Но почему-то я не услышала ни звука. Конечно, я решила, что он придумывается. И тоже придумала ему хорошенькое приветствие. Но и у меня ничего не получилось: я только беззвучно открыла рот. Мы ошарашенно уставились друг на друга. Минуту

назад мы радовались, обнаружив, что каким-то чудом остались целы, а теперь нас охватило отчаяние.

Немота. Буря отняла все слова.

И тогда Тома, да простятся ему за это все прошлые и будущие грехи, обнял меня за плечи. А другой рукой обвел место, где мы оказались, — настоящий рай. Бухта в окружении огромных деревьев, высоченных, до самого неба, светло-зеленая вода еще прозрачней воздуха, а вдалеке — коралловый риф, о который с рычанием разбивались морские волны. И никаких следов нашего судна. В воде играли рыбки: одни беленькие, поменьше, другие — большие, черные. Волны несли их к берегу, поближе к нам. Появилась птица, вслед за ней — еще десяток, потом — целая тысяча. С радостным криком они пикировали в воду, взмывали в небо, с криком ныряли снова. Мне показалось, что они недолго держали в клюве добычу. Схватят рыбку и тут же бросают. И рыбки падали в море, кружась в воздухе, словно блестящие листочки. Птицы исчезли так же быстро, как появились, и тоже с криком, но на этот раз — недовольным, по крайней мере, так мне показалось, я не очень-то разбираюсь в птичьем языке. Их разочарование нам стало понятно, когда море прибило к берегу этих белых рыбок. Три пластмассовых квадратика с буквами: Щ, Н, Е. Ну конечно, — костяшки, из которых складывали слова пассажиры нашего теплохода, чемпионы по скрэблу. Понятно, почему птицы так рассердились. Они не играют в скрэбл и не едят пластмассу.

А потом к берегу подплыло слово с пояснением из словаря:

СНОБРОД — лунатик, бессознательно бродящий по ночам, во сне, или, вернее, в каком-то болезненном бреду¹.

Слово плавало в зеленой воде, плоское, как медуза или камбала. Не надо большого ума, чтобы догадаться, что произошло. Шторм трепал словари с такой же силой, как нас, и вытряс из них все слова. Теперь опустевшие словари, наверно, покоились на дне морском, по соседству со своими друзьями — чемпионами по скрэблу.

Море вернуло нам то, что похитил ветер. Тысячи слов показывались перед нами, словно огромная льдина. Протяни руку — и выудишь сколько хочешь. Вот первые, которые я вытащила:

НЕБОСТЫК — черта, в которой небо будто сходится с землею.

1. Автор взял редкие слова и их определения из французских словарей. А в переводе, здесь и дальше, слова и толкования — из словаря Даля.

НИСЕНИТНИЦА — ни то, ни сё, чепуха, бессмыслица, вздор.

Они ложились мне на кожу, словно татуировки, — детские переводные картинки, которые можно смыть в душе.

[232]

ил 9/2022

Мне хотелось покрыть ими все тело. И они бы гладили меня, по-своему, как умеют только слова, тихонько и трогательно.

Но за мной краешком глаза следил Тома, и я отказалась от своей безумной идеи, а стала делать, как он. Я вычерпывала слова ладонью, потом слегка раздвигала пальцы, чтобы вода стекла. И осторожно раскладывала их на песке — сушиться. А солнце тем временем становилось все горячее, как бы оно ни сожгло наши спасенные слова... Тома улыбнулся мне: браво, сестричка, ты, оказывается, не такая уж дура! Чтобы защитить слова от солнца, мы нарвали листьев — длинных листьев банана, который рос неподалеку.

Тут у нас за спиной послышалась песенка:

Набегают волны синие.
Зеленые? Нет, синие.
Как хамелеонов миллионы,
Цвет меня на ветру¹.

Мы увлеклись спасением слов и даже не заметили, что кто-то подошел:

Этот кто-то напевал колыбельную, нежную и немного грустную, как дождик в летний вечер. Голос был негромкий, словно мне это снилось. Я обернулась, медленно-медленно, чтобы не спугнуть. Такой голос, кажется, мог вспорхнуть и улететь насовсем, как те птицы.

Незнакомец улыбнулся нам: это был невысокий смуглый мужчина в белом полотняном костюме и шляпе-канотье, стройный, как буква “i”. С какой планеты он явился? Из старого фильма или с далекого карнавала? Я не очень-то разбираюсь в возрасте чернокожих. Но по морщинкам в уголках глаз, по тому, как выцвела от солнца его кожа, я поняла, что он уже немолод. Он подошел ближе. Я не могла оторвать глаз от его ботинок — двухцветных красновато-кремовых мокасин. И никаких носков! Казалось, он не просто идет по песку, как все, а

1. В оригинале месье Анри заимствует песни и облик французского певца, композитора и джазового гитариста Анри Сальвадора (1917–2008). Его отец и мать родились на Антильских островах. Песни, которые поет месье Анри в русском переводе, взяты у Новеллы Матвеевой.

танцует. Я подняла глаза как раз вовремя: незнакомец протягивал мне руку.

— Добро пожаловать на остров, мадемуазель. Меня все зовут месье Анри. Вы не волнуйтесь, у нас тут часто случаются кораблекрушения и мы умеем ухаживать за пострадавшими. А это — мой племянник. Мы позаботимся о вас...

Племянник был высоченный подросток, одетый во все яркое: цветастая рубаша и желтые брюки, а за спиной — гитара. Он не сказал ни слова: похоже, его заботило только, чтобы мы обратили внимание на его огромные зеленые глаза. Да уж, племянник что надо.

— Не можете говорить? Не бойтесь, это нормально после той страшной бури, которую вы пережили. Мы следили за вашим корабликом с берега. Чем это вы рассердили море, что оно так рассвирепело? А ветер какой бушевал — просто ураган! Чудо, что вы уцелели!

Мы неловко поднялись на ноги.

— Идемте с нами. Вам надо выспаться, завтра будет уже лучше. Мы отведем вас в дом.

Мы из последних сил потащились за ним. Вскоре показалась деревушка с соломенными крышами. Месье Анри открыл дверь первой хижины — внутри было две невысоких кровати.

— Проголодаетесь — в этой корзинке фрукты, вода и вяленая рыба. Главное, не волнуйтесь: ничего, что ураган отнял у вас дар речи, мы вам его вернем. И еще кое-чему научим, что вам, наверно, понравится. Наш остров — особенный, немного даже волшебный. Вот ваши родители удивятся... Да, следующий корабль будет только через месяц. Так что времени у нас много...

Великолепный племянник насвистывал с независимым видом, разглядывал стены и переминался с ноги на ногу, будто куда-то спешил. Но я заметила, что его зеленые глаза, поблескивавшие в тени хижины, нет-нет да и поглядывали в мою сторону.

Наши новые друзья ушли, прикрыв за собой дверь. Солнечные лучи, просачиваясь сквозь ставни, разливались по полу. Послышалась негромкая мелодия: кто-то наигрывал на гитаре колыбельную. Кто догадался, что нам нужна музыка после жуткого рева бури? Пожилой фронт месье Анри или его великолепный зеленоглазый племянник?

V

Солнце стояло уже в зените. На пяточке между хижинами лаяла собака, три козы лениво жевали автомобильную крышку, бабочка порхала перед носом у толстого черного кота.

После вчерашней бури от такого покоя кружилась голова. Месье Анри, присев на бревно, перебирал струны своей гитары. Его пальцы пробегали по струнам, наигрывая ту же мелодию, что и вчера, — ту самую, под которую мы уснули. Может, он играл здесь всю ночь, чтобы отогнать от нас кошмары, страшные сны, которые одолевают людей, переживших катастрофу? Почему здешние жители умеют так хорошо заботиться о пострадавших? И что волшебного в этом острове? Мне захотелось срочно все разузнать. А когда меня что-то интересует, я не могу усидеть на месте. Сама на заметила, как начала приплясывать на песке.

Месье Анри улыбнулся.

— Похоже, сегодня тебе получше. День в самом разгаре. Пошли, я отведу вас на базар. Узнаете, как тут у нас все устроено.

* * *

Гирлянды красного перца, пирамиды из тушек тунца и барракуды, козлятина, какое-то другое мясо, печень, язык, бычьи хвосты, бежевые горы сладких бататов, белые бутылки деревенского рома, салатницы, щипцы для орехов, розовые вантузы для прочистки засоров, пушистые кроличьи лапки — на счастье, сушеные летучие мыши — наводит порчу, жевательные палочки — возвращать спортивную форму изнуренным мужьям, и всюду квохчет, болтает, приплясывает, переругивается, обхаживается огромная толпа... А внизу, если опустить глаза, топчутся еще две армии: дети громко режут и зовут мам, а собаки жадно разевают слюнявые пасти, ну точно живые мусорные бачки. Хватают на лету все, что им перепадет, отползают подальше и на солнышке задумчиво жуют добычу.

В конце улицы картина меняется: там стоят в кружок четыре лавки. Небольшая деревенская площадь... Люди шагают туда, что-то бормоча себе под нос. И тревожно поглядывают по сторонам, будто боятся, что за ними следят.

— Тут у нас словобазар, — сказал месье Анри. — Сюда я хожу за покупками. Здесь вы найдете все, что вам надо.

И он подошел к одному из этих магазинов, на вывеске значилось: “Друг поэтов и обожатель песен”.

Этот странный “друг поэтов” оказался худющим верзилой, сам какой-то сонный, а в лавке у него никаких товаров. Только старая книга с замусоленными страницами. И абсолютно пустая витрина. После обычного обмена любезностями и традиционных объятий месье Анри перешел к делу:

— У меня в последней песенке припев не выходит. Подбери мне рифму к слову “ласка” и еще что-нибудь посвежее, что рифмуется с “мамой”?

Пока они разговаривали, я зашла в другую лавку.

Какая-то заплаканная женщина рассказывала:

– Муж просто бросил меня ни с того ни с сего. Нужно слово, чтобы он понял, какая это боль, какое-то очень действенное слово, чтоб ему стало стыдно.

Молоденький продавец, наверно еще стажер, покраснел до корней волос: “Сейчас-сейчас!” – и зарылся в какой-то потрепанный томище. Он листал книгу, бормоча: “Минуточку, у меня есть то, что вам нужно. Вот, нашел, выбирайте: опустошенность...”

– Это как-то не звучит.

– Фрустрация...

– Похоже на название цветка.

– Безутешность.

– Да, вот это подойдет, это я возьму. Безутешность, я никак не могу утешиться!

Женщина заплатила продавцу и вышла из лавки, немного повеселев. Она уносила с собой новое слово – безутешность, безутешность... Теперь ей не так одиноко: есть с кем перемолвиться словом.

Следующий покупатель был стар: на вид ему не меньше сорока, я и не думала, что в таком возрасте люди еще интересуются любовью.

– Понимаете, жена больше не радуется, когда я говорю, что ее люблю. “За двадцать лет мог бы придумать какие-то другие слова. Скажи что-нибудь, чтобы я поверила, – говорит жена, – а то уйду”.

– Ну это просто, вы можете ей сказать: “Я к тебе неровно дышу”.

– Еще подумает, что я жалуюсь на здоровье...

– “Меня на тебе зациклило”.

– Как это?

– Ну, это значит, я думаю только о тебе, будто хожу по кругу, снова и снова возвращаюсь к этой мысли, это как бесконечный цикл. Ты и только ты...

– Я попробую. Но если не получится, я вам это слово верну.

Мы бы с радостью проторчали тут хоть до ночи. Покупатели выстроились в длинную очередь. Тома, как и я, держал ухо востро. “Я ей покажу слоеный язычок”, “поиграем в тяни-толкая”. Глаза у него сверкали, похоже, он узнал много нового. И все мотал на ус, старался побольше запомнить. Теперь-то он знает, как говорить с девчонками: вот вернется домой, и все, им не устоять. Он ведь давно искал способ обратить на себя

внимание девиц постарше, даже, честно говоря, изрядно постарше, чем он сам.

Перед другими лавками тоже собралась толпа покупателей. Я бы с удовольствием зашла посмотреть, что делается в магазинчике с вывеской:

Дьёдонне,
дипломированный специалист
по рыбам и растениям

или к хозяйке другой загадочной лавочки:

Мари-Луиза,
этимологическая информация о четырех языках

Заметив мой озадаченный взгляд, месье Анри объяснил:

— Этимология занимается происхождением слов. Вот взять, например, слово “гарпия” — оно произошло от греческого “хватать, похищать”, потому что в мифах эти злобные чудовища с женскими лицами похищают людей. А теперь пойдем, я еще много всего должен вам показать. Где словобазар, вы теперь знаете. Вернетесь, когда захотите.

И он повел нас дальше. Выходя из магазина, я услышала дивный набор ругательств, которые предлагали одному покупателю, обозлившемуся на своего шефа. “Самодур”, “изверг”, “колченогий карла”, “репей тебе в глотку”... Смотрите-ка, все эти обращения отлично подходят для моего братца — уж лучше, чем мои обычные “идиот”, “кретин”, “придурок”...

Этими замечательными ругательствами я его испепелю. Только что услышала это слово — “испепелить”. Ведь изничтожить можно и словами, а есть еще “ославить” — покрыть дурной славой. Испепелить — обратить в пепел, сравнять с землей моего любимейшего и в то же время ненавистного братца, чтобы, только я раскрою рот, он бы уже валялся у моих ног, прося пощады.

С этой минуты вся прошлая жизнь показалась мне бессмысленной, все, что было со мной до кораблекрушения, — тусклым, бессловесным существованием. Сколько слов я вообще использовала? Двести-триста, да всё одни и те же... А здесь, на острове, уж вы мне поверьте, я накоплю себе сокровищ, это будет целое состояние — я стану богачкой.

VI

На другой день мы вышли в море в пироге.

К счастью, на море был полный штиль, а зеленые глаза великолепного племянника все время следили за мной сквозь

длиннющие девичьи ресницы. Если бы не он, я просто умерла бы со страху. Воспоминание о тех жутких волнах не покидало меня ни на минуту. Так и вижу: наш несчастный кораблик уходит под воду носом вперед...

Но в этот раз море было спокойным и прозрачным, как стекло. И если наклониться через борт, можно было следить, как в воде резвятся рыбки: фиолетовые, желтые с красными полосками, круглые, словно мячики, и плоские, как ладонь, просто палитра ярких красок. Это было очень красиво, но на душе у меня скребли кошки. Я думала о других пассажирах нашего корабля, которые знали столько слов с буквами “ф” и “щ”. Как поднять их с морского дна?

Мрачные мысли роились у меня в голове, как осы, только и ждущие подходящего момента, чтобы ужалить. Пока мы сиделись в пирогу, я случайно услышала обрывок разговора между великолепным племянником и его дядей Анри.

— Что-то давно их не видно.

— Да, странно. Обычно на следующий день после кораблекрушения они тут как тут.

— Надеюсь, они не станут угрожать нашим друзьям.

— Бедная девочка! Разве можно ее под замок...

Кто такие эти “они”? И кому нужно сажать меня под замок?

Как и наши провожатые, я тревожно всматривалась в линию горизонта. Откуда ждать врагов?

К счастью, через четверть часа мы уже приплыли, а враги так и не появились.

* * *

Островок, казалось, подгорел на солнце, словно кекс, который передержали в духовке. Голый кругляш, ни одного деревца, ни одной живой души или домика; это место могло бы выиграть чемпионат мира по пустоте, попасть в книгу рекордов Гиннеса — в раздел “ничегошеньки”. Скалистое плато темно-коричневого оттенка, выгоревшее, отполированное, отмытое до блеска... Так выглядел милый уголок, где мы высадились.

Странное место для экскурсии! Месье Анри, правда, сразу объяснил, зачем мы сюда приплыли.

— Знаете, почему пустыни наступают и захватывают новые земли в разных концах планеты? Закроешь глаза и чувствуешь, как на нас надвигается эта страшная песчаная лавина. Ученые объясняют, что дело во всемирном потеплении, в исчезновении лесов... Наверное, так оно и есть. Но главное-то они забывают. Вот здесь, например, сто лет назад стояли две деревни и было все, что нужно для счастья: деревья, хижины, пресная вода, мужчины, женщины, дети, животные...

Мне трудно было в это поверить.

Здесь жили люди? На этом безжизненном и горестном островке? Ничего себе. Я пыталась представить себе, как это могло быть, но воображение не справлялось, топталось на месте, твердило, что все это бред...

— Однажды на остров обрушилась буря, такая же сильная, как и та, что поглотила ваш корабль. Деревья вырвало с корнем, дома унесло ураганом. Но все остальное уцелело. Надо было только заново отстроить жилье, и можно было жить, как раньше, — до следующей грозы...

Тем временем я обратила внимание, что море бороздят какие-то черные треугольники. Их становилось все больше. Они кружили и кружили вокруг нас, как в хороводе. Я не сразу догадалась, что это акулы. Может, эти хищники кормятся не только свежим мясом, но еще и жуткими историями? Потому что в истории, которую рассказывал месье Анри, не было ничего веселого.

— Обитатели острова, как и вы, лишились дара речи. Но они не поплыли к нам, чтобы снова заговорить, а решили, что обойдутся без слов. Они просто перестали называть все, что у них было. Представьте себя на месте здешней травы и коз, здешних ананасов... Они никогда не слышали своих названий и постепенно становились все печальнее, худели не по дням, а по часам, хирели, а потом умерли. От недостатка внимания, от покинутости и нелюбви. И сами люди, которые решили обходиться без слов, тоже стали умирать. Солнце их иссушило. От человека оставалась только кожа, тонкая, коричневатая, как оберточная бумага, и ветер вмиг уносил ее прочь.

Месье Анри умолк. В его глазах стояли слезы. Может, среди этих высохших людей был кто-то из его родных, бабушка или дедушка? Он отвел нас назад, в пирог. Когда он кончил свой рассказ, акулы исчезли.

— Вы знаете, сколько языков в мире исчезает каждый год?

Мы по-прежнему не могли вымолвить ни слова, и уж тем более — ни одного числа: какой, спрашивается, ответ мы могли ему дать? Ведь с тех пор, как мы попали в бурю, когда нас оглушило воем урагана и завертело в круговороте волн, нам еще не удалось выдать из себя ни одной фразы, даже самой малюсенькой! Нас только-только хватало на то, чтобы понимать чужую речь.

— Двадцать пять! Каждый год на земле умирает двадцать пять языков! Они исчезают потому, что на них никто не говорит. И предметы, названия которых были только в этих языках, исчезают вместе с ними. Вот почему пустыни захватывают все больше места. Понимаете, какое дело? Слова — это маленькие моторчики жизни. И мы должны о них заботиться.

Он тревожно посмотрел на нас, на Тома, потом на меня... Его веселость и ласковость куда-то исчезли, он стал ужасно серьезным. Что-то бормотал себе под нос и, свесив руку за борт, другой рукой чертил в воздухе цифры: так, не меньше двадцати пяти умирает каждый год, сейчас на земле остается еще пять тысяч живых языков, к 2100 году их останется не больше половины, а дальше что?

Стемнело, и месье Анри отвлекся от своих невеселых мыслей. Кажется, его родной стихией были сумерки и музыка: только в этих двух мирах он мог жить в свое удовольствие и не думать об опасностях.

Когда мы причалили к берегу, он поручил нам вытащить пирогу, а сам присоединился к оркестру, игравшему чуть выше по берегу, на опушке леса.

А я опустила на песок, вежливо улыбнулась звездам и тут же заснула.

VII

Вообще-то я терпеть не могу старух. Они вечно врут и притворяются. Сюсюкают с детьми, сплошные у-ти-пусечки, гладят по головке — пока родители рядом. Но стоит родителям отвернуться, как они спешат с нами расквитаться за нашу молодость: ущипнут засохшими, как у ведьмы, пальцами, ткнут вязальной спицей или, что в сто раз хуже, лезут целоваться. Будто мстят за то, что у нас такая гладкая кожа и от нас хорошо пахнет...

Но старая дама, которую я увидела в тот день, понравилась мне с первой же секунды.

* * *

Домик был обыкновенный, на берегу моря таких сотни: белевский, скромный, два этажа, пара окошек и балкон, чтобы любоваться пейзажем. Табличка на двери гласила:

Входите без стука.
Но, будьте добры,
дождитесь конца слова.
Спасибо.

Из-за двери слышался шепот, похожий не на человеческую речь, а на какой-то шелест, не то чирикание большого воробышка, не то молитва в церкви. Как я поняла позже, это и была молитва.

Месье Анри открыл дверь. Никого. Мы пересекли гостиную, огибая побитые молью чучела зверей и стопки изодранных

книг. Может, люди на этом острове до того любят романы, что на самом деле заглатывают их кусками? Больше в гостинной ничего не было. Мы пошли дальше — на шепот. Еще одна дверь. Внутренний дворик. Крохотный квадрат зелени, три пальмы и стол с кружевной скатертью, на нем раскрыт толстенный словарь.

У стола — стул с высокой спинкой, будто из старинного замка, а на нем, в белом нарядном платье, — старинная дама, каких я еще в жизни не видела.

Лицо ее избородили не просто морщины, а целые овраги или каньоны, над глазами нависали тяжелые веки, рот — таинственная щель... И совершенно седые волосы небывалой белизны, словно грива снежной львицы. Сколько лет понадобилось, чтобы изрыть такими морщинами человеческое лицо и выбелить волосы до такого невероятного оттенка, я не могла себе даже представить.

Покой белой дамы охранял вентилятор. Как верный пес, он не сводил с хозяйки своего единственного глаза и время от времени, будто по команде, начинал глухо ворчать.

— Свин-ки-ве-тря-ны.

Дама выговаривала каждый слог так ласково, в ее голосе звучала нежность, робкая, как у влюбленных. Может, поэтому она и одета в белое, словно невеста... Почему это никто никогда не произносил таким голосом мое имя?

Помня, что написано на двери, мы дисциплинированно дождались конца слова.

— Свинки-ветряны.

Странно. Какие еще свинки-ветрянки? Может, дама в белом — детский врач? Все выяснилось довольно быстро.

В небе крошечного двора появилось несколько облаков. Их закрутило ветром, поволокло прочь...

— Ну да, все правильно, — шепнул мне месье Анри. Он склонился над словарем и прочел: “Свинки-ветряны — ветряная темень с разорванными облаками”.

Минут пять облака-свинки кружили над нами в свое удовольствие. Потом они исчезли и ветер стих. А слова еще оставались, пять гулких слогов порхали в воздухе, как бабочки. Вскоре скрылись и они, потрепыхав крылышками, словно благодарили за то, что их произнесли вслух. Старинная дама повернулась к нам. Трудно сказать, видела она нас или нет. Я уже говорила, ее глаза из-под тяжелых век смотрели куда-то вдаль.

Вентилятору наш визит явно не слишком нравился. Как хорошая сторожевая собака, он рычал и щерился. Было ясно: если хозяйке понадобится защита, он бросится на незваных гостей и пошинкует их в мелкий винегрет.

К счастью, ветер от вентилятора перевернул страницу словаря. И пожилая *словистка*, уже не обращая на нас внимания, таким же нежным, ласковым голосом медленно прочла шесть слогов нового слова:

— Э-хи-но-и-дэ-и.

Эхи? Но все-таки идеи? В саду на лужайке возникла семейка морских ежей — это и есть эхиноидеи — или, по-другому, иглокожие!

— Поняли, что она делает? — шепнул нам месье Анри. — Эта дама — *словистка*, она ловит и возвращает к жизни редкие слова. Если б не она, их бы уже все забыли.

Мы еще долго простояли в том садике, зачарованные зрелищем оживления слов. Знаете, что такое “солнопись”? Это светопись, фотография! А “монитор”, думаете, это что? Представьте себе, это “военный боевой корабль, судно или сплошь кованое, железное, или обшитое латами... Название дано от ящерицы монитор, будто бы предупреждающей о близости крокодила”... А “мышлец”? Думец, хитрец, выдумщик...

Как же радовались эти слова, вернувшиеся из мира забвения. Они потягивались, откашливались. Были и такие, что не выходили на свет божий вот уже несколько столетий.

А слышали вы про “ухоботье”? Ухо, хобот? Ничего подобного, это шелуха, которая остается после первого веяния зерна. А “кубарь”? Волчок, пустой шар на ножке, крутящаяся детская игрушка, — шарик-кубарик!

Темнело. Мы на цыпочках вышли от нашей новой знакомой.

— Милая наша словистка! — месье Анри говорил о ней с нежностью, словно о родном человеке. — Дай ей бог долгой жизни! Без нее нам никак. И мы должны защитить ее от Уничтожьера.

Видя мой встревоженный вид (кто такой этот Уничтожьер?), он положил мне руку на плечо и без улыбки, как будто говорил со взрослой, рассказал:

— Уничтожьер, губернатор здешних островов, вбил себе в голову, что надо навести у нас порядок. Его злит наша любовь к словам. Как-то я виделся с ним, и вот что он мне сказал: “Слова — это просто средство. Не более. Средство связи. Как машина — средство передвижения. Техническое средство, полезное, конечно. Но что за глупость поклоняться им, словно божествам? Вы же не поклоняетесь молотку или клещам! Да, и потом, слишком их много. Вот погодите, я сделаю, чтоб их осталось не больше пяти-шести сотен, только необходимый минимум. Когда у людей слишком много слов, они отучаются работать. Вот и ваши, на острове, такие. Им бы только болтать или петь. Но скоро все будет по-другому, уж ты мне

поверь...” Время от времени он посылает на остров вертолетчиков с огнеметами и сжигает библиотеку...

Я содрогнулась. Так вот что за враги нам угрожают. От гнева месье Анри все сильнее сжимал мне плечо. Было больно. Я еле сдерживалась, чтобы не вскрикнуть.

— Знаешь, ведь Уничтожьер не одинок. Многие думают, как и он, особенно бизнесмены, банкиры, экономисты. То, что на свете столько разных языков, для них — только помеха в делах, они злятся, что приходится платить переводчикам. И действительно, если все потребности человека — это деловые контакты, деньги, купля-продажа, то редкие слова ему не очень-то нужны. Но ты не бойся, мы уже научились защищаться.

Так кончился наш третий день на острове. А я в первый раз проделала одну штуку, которая потом вошла у меня в привычку и всегда хоть чуть-чуть да улучшает настроение. По воскресеньям, перед сном, я несколько минут листаю словарь, выберу какое-нибудь слово, которого раньше не знала (а надо сказать, там есть из чего выбрать, когда я представляю себе, сколько на свете разных неизвестных слов, даже как-то стыдно становится), и произношу его вслух, поласковой. И тогда, представьте себе, моя настольная лампа покидает свое обычное место и отправляется осветить какой-нибудь тайный уголок этого неизвестного мира.

VIII

Ночью я проснулась от слез. Вообще-то у меня так бывает. Ком встает в горле — там, где были миндалины, пока хирург-живодер их не удалил. Этот ком подкатывает, когда мне одиноко и хочется, чтобы кто-то был рядом, какая-нибудь компания, кроме одной Жанны. Но что поделаешь, в такие минуты рядом никогда никого нет, только я; выбор невелик.

Я села в кровати. Когда лежишь, ком не дает дышать.

“А что если попробовать?”

Лицо словистки стояло у меня перед глазами. Может, я тоже способна оживлять слова? Я не решалась попробовать. Сердце колотилось. Руки тряслись. Я выговорила “мама”, тихонечко, чтобы не разбудить Тома, который уже спал.

И через секунду она была здесь, стояла у кровати, настоящая моя мама, ее светлые волосы, свежий аромат мыла, ее девчоночья улыбка, прищуренные глаза и ее рука, мягкая ладонь, всегда готовая погладить меня по щеке.

Мы смотрели и смотрели друг на друга молча, до боли в глазах. Мне надо было заговорить первой, но я не могла. Слова не шли в голову. Я еще не оправилась после той бури.

Мама совсем недолго оставалась со мной в лунном свете. Я взглянула на светящиеся стрелки часов и опять на маму. Так мало, всего семь минут.

Потом она исчезла, помахав мне рукой: до свидания. И унесла с собой слезы. Мама, она всегда так: раз, и заберет мои слезы. Надеюсь, она не оставляет их себе. Когда-нибудь я придумаю специальные стоки для слез и комков в горле. А оттуда — напрямик в канализацию, и пусть их там крысы сожрут. Говорят, они могут проглотить все что угодно. Тогда людям будет полегче жить. И я снова заснула.

IX

— Оставьте ее в покое!

Я уже давно слышала сквозь сон какое-то шушуканье, а тут оно стало громким и сердитым: “убирайтесь”, “вы же видите, она спит”, хлопали крошечные крылышки, и кто-то жужжал, как комар перед тем как укусить.

Я приоткрыла глаза. Вокруг меня вилось десятка три слов. “Баранта”, “тулумбас”, “эпидермис”, “экслибрис” и множество других, которых я сейчас уже не вспомню.

Великолепный племянник веером отгонял от меня этот рой.

— Глупые! Думаете, разбудите ее, и она вас за это полюбит что ли?

Милые слова, я отлично понимала, чего они хотят. Но чем я могла им помочь? Не буду же я, как наша новая знакомая, целый день произносить слова, у меня и терпения не хватит. Пока я еще не выросла, мое дело — двадцать четыре часа в сутки играть, плавать, короче, жить, а не нашептывать слогги. И я вскочила, вспугнув роящиеся вокруг слова. Они сообразили, что от меня им толку мало, и улетели искать защиты где-то в других местах.

А в дверях все это время стоял месье Анри и улыбался даже радостней, чем всегда. Вокруг Тома слова увивались с такой же ласковой настойчивостью, как вокруг меня. Только он у нас горячая натура и быстро выгнал их прочь, со всей силы размахивая подушкой.

— Ну что ж, судя по всему, ребята, наши друзья вас признали? Вы не слишком пострадали от их налета?

Честно говоря, хоть я и ненавижу убирать в комнате, но сейчас с удовольствием навела бы порядок у себя голове. Слова просочились всюду, они были у меня в волосах, пролезли в лобные пазухи, стояли перед глазами. Они набились в мою бедную черепушку, как сельди в бочку. И к ней уже семимильными шагами подбиралась мигрень...

А тут еще месье Анри принялся дергать как попало струны своей гитары. Вот это был ужас, случайный набор звуков, настоящая какофония — этот кошмарный поток вливался мне в уши и рвал барабанные перепонки. Зачем ему понадобилось так нас мучить?

— Понимаете, со словами так же, как с нотами. Недостаточно их набрать побольше. Без правил нет гармонии. И музыки. Один шум. Музыкае нужно сольфеджио, а речи — грамматика. Вы еще помните что-нибудь из грамматики?

— Ох, только не это!

Мне вспомнился ужас спряжений, пытка упражнениями, адские правила склонения числительных...

Тома перекосило даже побольше, чем меня.

— Хотите пари? — продолжал месье Анри. — Если за неделю вы не полюбите грамматику, я разобью свою гитару.

Мы вежливо кивнули, чтобы сделать ему приятное. У него был такой уверенный вид. Но чтоб мы полюбили грамматику, это уж простите. Бедная гитара! Ладно, мы выиграем пари, а потом попросим, чтобы он ее пожалел.

Племянник ждал нас снаружи с четырьмя лошадьми.

— Отсюда до города слов девять километров. Кто первый доскачет, тому я спою песенку.

Мы неслись галопом, так что дух захватывало. Мне кажется, наши хозяева специально поддались, чтобы Тома прискакал первым.

Х

Мы взобрались на самую вершину холма, и открылась удивительная и прекрасная картина.

— Теперь тише, — шепнул месье Анри, — не будем их тревожить.

Интересно, ради каких это важных персон столько церемоний? Там что, какая-нибудь принцесса целуется со своим тайным возлюбленным или идут кино съемки? Скоро все выяснилось, и ответ оказался куда проще и необычней. На цыпочках мы подошли к старому, шаткому деревянному паркету. Внизу раскинулся город — вроде ничего особенного: улицы, дома, магазины, гостиница, мэрия, церковь с остроконечной колокольней, дворец в мавританском стиле, увенчанный башенкой (может, мечеть?), больница, пожарная часть... Город, во всем похожий на наши. Если не считать трех отличий.

Во-первых, размеры: дома раза в два меньше, чем у нас. Похоже на макет или декорацию.

Во-вторых, тишина. Все ведь знают, как шумно обычно в городе: машины, мотоциклы, всякие двигатели, кто-то спускает воду в туалете, кто-то ругается, подметки шлепают по тротуарам... А тут — ничего. Кроме чуть слышного шелеста, неуловимого шебуршания.

И в-третьих, обитатели: ни мужчин, ни женщин, ни детей. По улицам расхаживают... слова. Гуляют себе как ни в чем не бывало, поблескивают на солнышке, разминают на воздухе каждый слог, куда-то спешат; у некоторых вид серьезный: эти уверены, что они — важные персоны, обожают порядок, чтобы все было как по линейке. Вот они вышагивают: “конституция”, “карбюратор”, а рядом прохаживаются под ручку “демографическая” и “ситуация”. Забавно было наблюдать, как они останавливаются на красный свет, хотя ни одной машины в том городе днем с огнем не найдешь. А у других слов характер повеселей, порхают, как хотят, скачут и прыскают в стороны, словно крохотные шальные лошадки или захмелевшие бабочки: “каникулы”, “бретельки”, “мороженое”... Я следила за ними, как зачарованная. Раньше я не особенно интересовалась словами. Мне и в голову не приходило, что у каждого слова, как у человека, свой характер.

Месье Анри приобнял нас с Тома за плечи и шепотом рассказал историю этого города:

— В один не слишком прекрасный день слова на нашем острове взбунтовались. Это было очень давно, в начале века. Я тогда только родился. Слова решили покончить со своей рабской жизнью. Они больше не желали, чтобы их дергали в любую минуту, днем или ночью, без всякого уважения, а потом снова обрекали на безмолвие. В то утро они отказались иметь дело с человеческими ртами. Я уверен, вы никогда не задумывались, какая кошмарная жизнь у слов. Где им придется бултыхаться, пока мы их не произнесем? Подумайте сами. Ну конечно, во рту. В окружении дырявых зубов и застрявших между зубами кусочков еды; их овекает несвежим человеческим дыханием, обдирает о шершавые языки, заликает едкой слюной. Вот вы бы сами согласились жить во рту? И как-то утром слова сбежали. Они стали искать себе убежище, страну, где можно будет жить среди своих, подальше от ненавистных ртов. Высадились в заброшенном городе у карьера золотоискателей: жители оставили его, когда выяснилось, что золотая жила истощилась. Здесь они и стали жить. Ну вот, я вам все рассказал. Теперь я оставляю вас до вечера, мне надо закончить песню. Можете наблюдать за ними сколько хотите, слова вам ничего плохого не сделают. Но не пытайтесь проникнуть в город. Они умеют себя защитить. Слова могут жалить больнее ос, а яд у них посильней змеиного.

Наверное, вы сейчас вроде меня, пока я не попала на остров. Вам знакомы только слова-пленники, унылые слова, даже если они притворяются, что им весело. Так вот что я вам скажу: когда они на свободе и могут проводить время как им хочется, вместо того чтобы служить людям, слова ведут очень даже веселую жизнь. Их главные заботы — наряды, косметика и свадьбы.

Глядя на них с холма, я сначала мало что понимала. Слов было так много. Сначала видишь просто разномастную толпу. Глаз теряется в этом хаосе. Но я не спешила и потихоньку начала различать главные племена, из которых состоит словесный народ. Ведь у слов, как и у людей, есть разные племена. И у каждого племени — свое занятие.

Первое занятие — называть вещи. Вы ведь бывали в ботаническом саду? Перед каждым редким растением ставят табличку с надписью. Это и есть первое дело слов — снабжать все вещи в мире табличками, чтобы в них можно было разобраться. Это самое сложное дело. На свете столько всего, есть и ужасно сложные понятия, а есть еще явления, которые без конца меняются. И все-таки к каждому из них можно подобрать подходящую табличку. Слова, которые занимаются этим сложнейшим ремеслом, называются “существительные”. Племя существительных — самое главное и самое многочисленное. Среди существительных есть свои мужчины и женщины: мужской и женский род. Некоторые служат “табличками” для людей — это имена. Вот, скажем, табличка “Жанна” значит совсем не то же самое, что “Тома” (и слава богу!). Некоторые существительные называют вещи, которые можно увидеть глазами, а другие обозначают вещи-невидимки, например, чувства: гнев, любовь, печаль... Теперь вы понимаете, почему в городе у подножия нашего холма было так много существительных. Другим племенам слов приходилось бороться, чтобы отвоевать себе немного места.

Вот, например, стайка артиклей. Они выполняют простую задачу, и, скажем честно, не такие уж это важные птицы. Артикль марширует перед словом и звонит в колокольчик: внимание, существительное, которое идет за мной следом, — мужского рода! Скажем, тигр! А это — женского! Корова!

Артикли и существительные разгуливают вместе целыми днями. А их любимое занятие — с утра до вечера подбирать себе наряды и маскарадные костюмы. Они, наверное, чувствуют себя голыми, когда гуляют по улицам просто так, в чем были. А может, им холодно, хотя светит солнце. Вот они и проводят все время в магазинах.

Магазинами владеет племя прилагательных.

Понаблюдаем, что там происходит, только тихо (иначе слова испугаются, разлетятся в разные стороны и потом долго не вернутся на прежнее место).

Вот существительное женского рода “вилла” заходит в магазин, а перед ним бежит артикль с колокольчиком.

— Здравствуйте, я чувствую себя какой-то неприбранной, хочу приодеться.

— У нас найдется одежда на любой вкус, — отвечает продавец, а сам уже потирает руки в предвкушении удачной сделки.

И вилла направляется в примерочную. Она в таком смущении! Выбрать ужасно трудно! Это прилагательное или все-таки вон то? Вилла крутится перед зеркалом. Сколько тут разных нарядов! Зеленая вилла, уединенная вилла, цветущая вилла, эльзасская вилла, собственная вилла... Прилагательные увиваются вокруг виллы-покупательницы, и каждое старается выглядеть попривлекательней, чтобы выбрали именно его.

После двух часов такой круговерти вилла выходит из магазина с определением, которое понравилось ей больше всех. Это прилагательное “таинственный”. Вилла очень довольна покупкой и повторяет своему слуге, артиклю:

— Нет, ты представь себе “таинственный”! А я так люблю тайны и привидения, наконец-то я нашла то, что нужно. Вилла, ну подумаешь, просто домик, ничего особенного. Но “таинственный”! Я теперь буду вызывать у всех любопытство, в этом есть интрига, обо мне заговорят, ах, как же мне повезло!

— Подожди-ка, — останавливает ее прилагательное, — ты уж очень торопишься. Нас же еще не согласовали.

— Не согласовали? Как это?

— Давай зайдем в мэрию. Там и увидишь.

— В мэрию? Ты, случайно, не жениться собираешься?

— Да, так положено. Ты же меня выбрала.

— Вот я и думаю, не ошиблась ли я? Ты не очень приставучее прилагательное?

— Все прилагательные приставучие. Это у нас от природы.

Тома следил за всем происходящим так же внимательно, как и я. Время шло, мы совсем забыли о завтраке. Когда видишь такое, совершенно не помнишь, что у тебя сосет под ложечкой. Тем более что перед мэрией уже собирался народ. Вот-вот должны были появиться новобрачные, и мы ни за что не хотели пропустить это зрелище.

Честно говоря, это были очень странные свадьбы.

[248]

ил 9/2022

Скорее, дружеские союзы. Как в школах в те давние времена, когда мальчики и девочки учились отдельно. В царстве слов мальчики объединялись с мальчиками, а девочки — с девочками.

В одну дверь входил артикль, в другую — прилагательное. Существительное присоединялось последним. И все они вместе исчезали из нашего поля зрения. Крыша мэрии не позволяла заглянуть внутрь. А я бы дорого дала, чтобы присутствовать на этой церемонии. Представляю себе: мэр напоминает им, какие у супругов права и обязанности, и говорит, что теперь они должны быть вместе и в горе, и в радости.

Они выходили парами, под ручку, теперь прилагательное было уже согласовано в роде с существительным: “заколдованный — замок”, “таинственная — вила”...

Наверно, там внутри установили автомат и он выдавал каждому прилагательному такое окончание, как нужно, чтобы оно согласовалось в роде со своим существительным. До чего же это гибкая и послушная штука — род прилагательного! Он меняется как угодно, подстраивается и согласуется.

Попадались, конечно, в племени прилагательных и более строптивые особи. Не желали меняться — и все тут. У них с самого начала было особое окончание, например, на “о”. На церемонии они держались независимо, руки в карманы. Например, прилагательное “бордо”. Вот хитрое словечко. Я заметила, что оно входило в мэрию два раза. Первый раз — с существительным “блузка”, а второй — со словом “пиджак”. Блузка бордо (вот оно женского рода). Пиджак бордо (а вот уже и мужского). Прилагательное “бордо” выходило из мэрии с победным видом. Как же, согласование прошло, все по правилам, а оно ничуть не изменилось. Мне показалось, что оно обернулось в мою сторону. Даже как будто подмигнуло: видишь, Жанна, меня голыми руками не возьмешь, можно быть прилагательным и сохранять свою индивидуальность.

Милые прилагательные, незаменимые спутники! Какими скучными были бы существительные без тех подарков, которые они получают от прилагательных, без всех этих оттенков, нюансов, без изюминки...

Но как же достается бедняжкам прилагательным!

Открою вам тайну: у прилагательных очень ранимые души. Они верят, что эти браки-согласования — навсегда... Но плохо же они знают существительные, им подавай разнообразие, такие уж они от природы, меняют спутниц как перчатки. Не успеют их согласовать с прилагательным, и вот они

уже его бросили и вернулись в магазин, подыскали себе другое, и без малейшего стеснения возвращаются в мэрию для нового бракосочетания.

Вилле, например, похоже, надоела таинственность. Без долгих проволочек она предпочла стать “знаменитой”. Знаменитая, вы подумайте, “знаменитая вилла”, почему бы уж тогда не “королевская” или сразу “божественная”? А бедному прилагательному “таинственная” только и оставалось, что в одиночестве бродить по улицам, страдая и упрашивая, чтобы его подобрали: “Возьмите меня кто-нибудь! Я придам вам загадочности, вот смотрите, скажем, беседка — ну что особенного, когда она без прилагательного, беседка и беседка. А со мной любая самая простенькая беседка станет таинственной...”

Увы, существенные шагали мимо, даже не взглянув на него.

От вида таких брошенных прилагательных сжималось сердце.

* * *

Тома блаженно улыбался. Я так хорошо его знаю, что мне и не надо, чтобы он говорил. Я читаю его мысли, как по раскрытой книге. Знаю я, что он думает — обычная пошлость, какая в голове у всех мальчишек: “Здорово жить в этом городе! Вот свадьба что надо: выбрал девицу в магазине, отпраздновал в мэрии... А на завтра хоп! — и снова в мэрию, с новой девицей!”

Я чуть не расплакалась от злости и досады.

Но мне полегчало, когда я посмотрела в другую сторону, — там компания слов собралась перед дверью с надписью “Бюро исключений”. Когда-нибудь я вам расскажу историю этого бюро. Только потребуется отдельная книжка. Вообще-то я очень люблю исключения. Они как кошки. Не соблюдают правил, живут как им вздумается, сами по себе. В то утро их было трое: “метро”, “пальто” и “авто”. Они потешались над продавщицей, которая предлагала им окончание “а”:

— У меня окончания самоклеющиеся. Просто наклеиваете их себе на хвостик — и вы уже во множественном числе. Все-таки во множественном-то быть получше, чем в единственном!

Трое друзей так и покатались со смеху:

— Это нам-то окончания “а”, как у всех? Мы вам не какие-нибудь “ведра” или “сёдла” — где это вы видели “польта” и “мётра”? Нет уж, если хотите, чтобы мы изменились, надо сшить особые хвостики, на заказ, каждому свой: пальтоИШКИ, автоМОБИЛИ... А метро у нас и вовсе всегда в единственном числе — единственное и неповторимое.

Продавщица смутилась и прикусила язычок.

— Смотрите-ка, а говорили, что не любите грамматику!

Мы так увлеклись происходящим в городе, что не заметили, как вернулся месье Анри. Теперь мы уже лучше понимали его характер. У него всегда сияющий вид (улыбка — для него норма вежливости), но сегодня он был по-настоящему счастлив. Наверно, ему удалось подыскать рифму, которой не хватало для песни.

— Здорово, да? Я часто сюда прихожу посмотреть. Слова — хорошая компания. А вот на что спорим, вы еще не заметили наших зазнаек. Подойдите поближе. — Он перешел на шепот. — У слов очень чувствительные уши. А сами они страшно обидчивые. Видишь, Жанна, вон та группа, на лавочках под фонарем: “я”, “ты”, “это”, “оно”, “его”... Разглядела? Их трудно узнать. Они не общаются с другими словами. Держатся всегда вместе. Это племя местоимений.

Месье Анри был прав. Местоимения поглядывали на остальные слова свысока...

— Им поручили очень важную роль — в некоторых случаях заменять существительные. Например, если мы хотим рассказать, что Жанна и Тома попали в кораблекрушение, Жанна и Тома оказались на острове, Жанна и Тома заново учатся говорить... — вместо того, чтобы без конца повторять “Жанна и Тома”, проще использовать местоимение “они”.

Пока он говорил, местоимение “они” вскочило со скамейки и бросилось на “футболистов”, существительное во множественном числе, которое спокойно шло мимо, никого не трогая. В мгновение ока “футболисты” исчезли, как будто местоимение их проглотило. И никаких следов “футболистов” не осталось: на их месте теперь стояло “они”. Я, конечно, такого не ожидала.

— Видите, местоимения не только задирают нос. Они бывают и жестокими. Они так мечтают занять чье-нибудь место, что иногда просто выходят из себя.

Месье Анри развеселил наш удивленный вид.

— А вы что думали? Вы не очень-то смотрите, что на вид слова нежные, добрые, поэтичные... Они часто дерутся между собой, даже убить могут, совсем как люди.

Между тем обзор городской жизни продолжался.

— Смотрите, ни дать ни взять компания холостяков ищет себе подружек на вечер.

На эту стайку слов мы тоже сперва не обратили внимания, хотя они сильно отличались от остальных: они единственные не заходили в мэрию. Было ясно, что свадьбы их не инте-

ресуют. Эти вступали только в мимолетные отношения. Месье Анри подтвердил наши догадки.

— Ох уж эти наречия! С ними ничего не поделаешь! Ни с чем и ни с кем не согласуются. Закоренелые холостяки. Ни одной женщине не удастся переделать их на свой лад.

Я невольно улыбнулась. Хаос, который после бури оставался у меня в голове, мало-помалу упорядочивался. Существительные, артикли, прилагательные, местоимения, наречия... Все эти названия, которые я когда-то знала, медленно выплывали из тумана. Теперь-то я навсегда запомнила, что слова — живые, что у них свои племена, что они заслуживают уважения и, если их оставить в покое, живут своей жизнью, не менее сложной, чем наша, так же нуждаются в любви, бывают такими же злыми, а радости и фантазии у них даже больше, чем у нас.

Тома уже был сыт грамматикой по горло. Он не отрываясь, словно зачарованный, следил за тем, как пальцы великолепного племянника легко, по-кошачьи, прогуливались по гитарным струнам.

— Кажется, музыка нравится тебе больше, чем слова. Когда-нибудь я покажу тебе город, где ноты живут сами по себе, так же как здесь слова. Там тебе будет что послушать.

Глаза у моего братца сверкали, как раскаленные угли, кажется, еще немного, и выскочат из орбит. Племянник передал ему гитару.

— Но смотри, если займешься музыкой, это уже на всю жизнь, ты просто не сможешь потом без нее обходиться.

И мой брат кивнул, с такой серьезностью, какой я никогда за ним не замечала. Не родилась еще девушка, которой бы он сказал “да” с таким лицом.

— Что ж, отлично. Покажи-ка мне левую руку.

Тут месье Анри сказал мне на ухо:

— Думаю, пора оставить наших виртуозов одних. Не горюй, Жанна, тебе тоже достанется кое-что интересное. Пойдем со мной, только тихо. Слова ведь совсем как мы. Ночью их трясет от страха. И стоит им услышать хоть малейший подозрительный звук, как они пускаются наутек.

XIII

Слова спали.

Расселись на ветках и не шелохнутся. Мы тихонько ступали по песку, чтобы их не разбудить. Глупо, но я держала ушки на макушке: мне так хотелось подслушать, что им снится. Было ужасно любопытно узнать, что творится у них в головах. Конечно, я ничего не услышала. Только глухой рокот при-

боя, там, за холмом. И легкий ветерок. Кажется, в ночи было слышно одно лишь дыхание планеты Земля.

Мы подошли к дому, на котором мерцал едва различимый красный крест.

— Больница, — шепнул месье Анри.

Я вздрогнула.

Больница? Больница для слов? Мне не хотелось в это верить. И стало стыдно. Я догадывалась, что в страданиях слов виноваты мы, люди. Это как с индейцами в Америке, которые умирали от болезней, завезенных европейцами.

В больнице слов не было ни приемного покоя, ни медсестер. Пустые коридоры. Их освещали мерцающие синие ночники. И хотя мы старались шагать потише, пол скрипел у нас под ногами.

Как будто в ответ на этот скрип раздался какой-то очень тихий звук. Вот опять. Еле слышный стон. Он просочился из-под двери, как будто в щель осторожно, чтобы никого не беспокоить, просунули письмо.

Месье Анри взглянул на меня и открыл эту дверь.

На больничной койке неподвижно распростерлась одна короткая, всем известная фраза, пожалуй, даже слишком известная:

Я
тебя
люблю

Три плоских, выцветших слова. Десять блеклых буковок, едва различимых на белой простыне. К каждому слову шла пластмассовая трубка от бутылки с лекарством, подвешенной на штативе, — капельница.

Мне показалось, что эта еле живая фраза нам улыбнулась. И вроде бы даже сказала (или мне послышалось?):

— Я немного устала. Наверно, переутомление. Надо отдохнуть.

— Пожалуйста, Я-тебя-люблю, не грусти, — попросил месье Анри, — я ведь знаю, какой у тебя характер. Мы же давно знакомы. Ты сильная. Отдохнешь несколько дней и снова встанешь на ноги.

И он стал развлекать ее разными байками, какие обычно рассказывают больным. Остужал ей лоб полотенцем, смоченным в холодной воде.

— По ночам мне немножко не по себе. Днем-то лучше: другие слова приходят со мной посидеть.

“Немного устала”, “немножко не по себе” — она даже не позволяла себе пожаловаться как следует: каждый раз добавляла то “немного”, то “немножко”.

— Не говори больше ничего. Отдохни, ты дала людям столько счастья, набирайся сил, ты нам очень нужна.

И он стал ласково напевать ей такую песенку:

Каждую ночь,
Горя не зная,
Всходит луна,
Как заводная,
Видно, на ней
Кто-то бывает,
Кто зажигает ее,
Кто задувает...

[253]

ил 9/2022

— Пойдем, Жанна. Она заснула. А завтра мы навестим ее снова.

* * *

— Бедная Я-тебя-люблю! А они смогут ее вылечить?

Кажется, месье Анри расстроился не меньше меня.

В горле стояли слезы. Но к глазам им было не подняться. Бывают такие слезы — слишком тяжелые. Их никак не выплакать.

— Все говорят “я тебя люблю”, повторяют снова и снова... Помнишь, там, на базаре? Со словами надо быть осторожнее. Не бросаться ими направо и налево. Не ляпать как попало. Не швырять на ветер, не тратить на вранье. От этого слова изматываются. Иногда так переутомляются, что их уже не спасти. Хочешь, зайдем к другим больным?

Он взглянул на меня.

— Стоп, Жанна, пожалуй, на сегодня хватит.

Он взял меня за руку, и мы вышли из больницы.

XIV

А на следующий день меня похитили.

Тома не отходил от великолепного племянника и не выпускал из рук гитару. Он нашел себе союзницу, подругу. Я для него больше не существовала.

Я замучилась ревностью (я ведь уже говорила: иногда я так люблю своего брата, что злюсь на него до ужаса) и решила прогуляться по берегу.

На песке еще валялось несколько пластмассовых квадратов с буквами. Но птицы больше не обращали на них внимания. Они кружили высоко в небе и посмеивались.

Вот тут-то и появились черные вертолеты.

Не успела я позвать на помощь, как оказалась внутри.

— Где твой брат?

С тех пор как меня привезли на этот главный остров, я не сказала ни слова. Да я и не могла. После той страшной бури у меня в голове все еще был полный разгром.

[254]

ил 9/2022

За большим столом сидел лысый тип и разглядывал меня с какой-то нехорошей улыбкой.

Полицейский, который стоял с ним рядом, принял эстафету:

— Когда губернатор Уничтожьер тебя спрашивает, надо отвечать...

А сам Уничтожьер прикинулся добреньким:

— Это ради твоего же блага...

Тревога. Когда взрослые начинают со слов “это ради твоего же блага”, значит — тревога, все в убежище. Обычно за этим “ради твоего же блага” следуют всякие ужасы: то надо спать после обеда (“это ради твоего же блага, ты такая бледная”), то переписывать домашнее задание (“ради твоего же блага, ты ведь не хочешь остаться на второй год?”), то телевизор выключать (“ради твоего же блага, а то глаза испортишь”).

— Это ведь ради твоего же блага, малышка. (Терпеть не могу, когда меня так называют. Ну да, мой рост всего метр пятьдесят четыре, но у меня еще минимум лет шесть, чтобы подрасти.) Не смотри на меня так. Я не сделаю тебе ничего плохого. Мы изучили твою печальную историю. Не бойся. Мы позаботимся о тебе. У нас тут бывают кораблекрушения. Мы знаем, что за ними могут последовать проблемы грамматико-фонетического характера. (Чего-чего?) Мы тебя быстренько приведем в порядок. И ты сможешь вернуться домой, вместе с братом. Ведь мы его тоже найдем, не тревожься. Тебе повезло. У нас сейчас как раз проводит инспекцию специалист мирового класса по структуре предложения. Так что все очень кстати. Можешь не благодарить, я только исполняю свой долг. Скоро загляну узнать о твоих успехах.

И он наклонился ко мне. Наверно, он хотел меня обнять, ведь все политики обнимают маленьких девочек, чтобы выглядеть добрыми. Конечно, я отпрыгнула и кинулась наутек. Конечно, охранники меня схватили. И началась новая жизнь.

XV

Еще в коридоре я услышала этот голос.

Голос из давних времен, еще до той страшной бури.

Я узнала бы его из сотни других.

“Анализ диалога Волка и Ягненка показывает, что имеет место отступление от базовой модели, поскольку отсутствуют фатические маркеры начала и конца реплики”.

Я заткнула уши, но голос проскальзывал между пальцами, как ледяная змея.

“Причинно-следственные отношения никак не учитываются в эвристическом типе аргументации, которую использует Волк”.

И ведь не убежишь: охранник держал меня за плечо.

— Ну вот, — сказал он. — Это здесь. Вот твой класс. Приду за тобой вечером.

* * *

Одни старики. Сидят за партами, как в школе, но сплошь старики. И старушки. Ну ладно, не то чтобы совсем старики, им лет по тридцать-сорок, но, по-моему, это уже страшно много.

Мадам Воблано встретила меня с улыбкой:

— Заходи, милочка. Добро пожаловать на стажировку. Представляешь, как тебе повезло. Здесь ведь одни учителя. С нами ты быстро заговоришь.

Все понятно: это был целый класс учителей. Те самые ужасные курсы неотложной педагогической помощи.

Бедные учителя!

Вид у них был самый тоскливый. Один высокий шатен показал мне, что за его партой есть свободное место.

А мадам Воблано продолжала урок. Снова все та же непонятная песня:

— Словами “Досуг мне разбирать вины твои, щенок!” в тридцать пятой строке Волк окончательно разделяется с попытками Ягненка опереться на диалектическую систему рассуждений, софистика Волка возобладала. Теперь перейдем к концовке:

Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать. (36)

Сказал и в темный лес Ягненка поволок. (37)

Тридцать седьмая строка представляет собой повествовательное предложение, в качестве агенса здесь выступает S1 (Волк), пациенс — S2 (Ягненок), предикат “поволок” дополняется пространственным уточнением “в темный лес”. В строках тридцать шесть-тридцать семь исходный конфликт (голод S1), заявленный с самого начала как одна из ключевых составляющих ситуации, получает разрешение, выраженное при помощи эллиптической конструкции. У кого есть вопросы?

* * *

Мне пришлось провести две недели в этой Сушильне.

А как еще назвать институт педагогической помощи?

По утрам нас учили разделять язык на кусочки. Во второй половине дня мы должны были засушивать эти нарезанные утром кусочки, чтобы в них уже не осталось ни крови, ни плоти, ни нервов, ни мускулов — ничего.

К вечеру они превращались в заскорузлые корки, словно обугленные полоски пережаренной рыбы — почерневшие, ссохшиеся и твердые, как подметка, так что на них уже даже птицы не позарятся.

Вот тогда мадам Воблано была довольна. Они с помощниками звенели бокалами:

— Я горжусь вашими успехами! Курс осваивается в полном соответствии с методологическими рекомендациями. Завтра мы разберем Расина, послезавтра Мольера...

Бедный наш язык! Как бы его спасти из этой мышеловки?

* * *

И бедные учителя!

Приближались дни плановой проверки. Больше всего они боялись экзамена по “гlossарию” — это список слов, который подготовили в министерстве, с кошмарными определениями. Учителя учили его днем и даже ночью, после отбоя, когда свет уже был потушен. Моя комната соединялась со спальней учитель маленькой окошечком, и я слышала, как они перешептывались в темноте, повторяя по памяти: “Приложение — это определение, выраженное именем существительным и связанное с определяемым словом аппозитивными отношениями, причем, в предложении синтаксические функции определения и определяемого задаются контекстом”. Некоторые сбивались и не могли повторить определение полностью, приходилось им зажигать карманные фонарики. Злились, чертыхались сквозь зубы. И чуть не плача, снова читали эту белиберду: “Аппозитивное отношение (или отношение приложения), связывающее между собой слова или группы слов, по смыслу эквивалентно отношению объекта и атрибута, но имеет другое синтаксическое выражение, поскольку устанавливается без использования глагола”.

Несчастные учителя слонялись в темноте и зубрили.

Как бы я хотела им помочь! В конце концов, ведь этот глоссарий был придуман ради меня, ученицы пятого класса. Кто же виноват, что мне там было совсем ничего не понятно...

XVI

Вставай!

Наверно, какая-то букашка в темноте залезла мне в ухо и теперь нахально щекочет лапками барабанную перепонку. Ну

сейчас я ей покажу. Я нехотя оторвалась от своего сна: наш корабль вот-вот должен был утонуть, но тут беззвучно возник белый вертолет. Открылась дверь, и ко мне спустилась веревочная лестница. Я открыла глаза.

— Сильна же ты спать. Ну давай. Одевайся скорее.

Я доверчиво пошла на этот голос: в темноте ничего не было видно. Месье Анри я разглядела только снаружи, его силуэт был едва различим, словно тень. Чтобы пробраться сюда, он переоделся в черный костюм официанта и сговорился с луной, что если ей охота светить в эту ночь, то пусть светит где-нибудь подальше.

У ворот Сушильни на своем обычном месте сидел охранник. Он спал. Во сне он улыбался краешком губ, изо рта свисала сигара. Месье Анри, проходя, щелкнул спящего по шляпе.

— Я ему спел “Набегают волны синие...”. Никто не может устоять перед моей колыбельной. Завтра Уничтожьер лопнет со злости.

* * *

На обратном пути, как только отплыли на порядочное расстояние, мы выпили рома (да-да, мы тоже звенели бокалами), чтоб этому кошмарному Уничтожьеру пусто было. А потом плясали как ненормальные, чуть не перевернули пирогу. И снова и снова повторяли песенку моей свободы:

Ласково цветет глициния —
Она нежнее инея...
А где-то есть земля Дельфиния
И город Кенгуру.

Теперь вы, наверно, понимаете, почему, когда мне не заснуть, я всегда напеваю себе под нос:

Это далеко! Ну что же? —
Я туда уеду тоже.
Ах ты, боже, ты мой боже,
Что там будет без меня?
Пальмы без меня засохнут,
Розы без меня заглохнут,
Птицы без меня замолкнут —
Вот что будет без меня.

И как раз успеваю вспомнить рассказ месье Анри, как он не мог подобрать рифму к “Дельфинии”, и как обрадовался, когда придумал сразу и глицинию, и иней.

— Жанна, ты сама увидишь, жизнь — жесткая штука. Надо смягчать ее по мере сил. Лучше всего это умеют рифмы. Они прячутся, и не так легко их отыскать. Но когда рифмы уже устроились в конце каждой строки, они перекликаются между собой. Машут друг дружке. И тебя окликают, убаюкивают перед сном. Мне кажется, я бы не смог жить без моих рифм.

* * *

Тома дожидался на берегу, вместе с племянником, который за это время стал еще великолепно. Я-то думала, мой братец бросится в воду, как только нас увидит, прижмет меня к сердцу. И в его глазах я прочту: “Ох, сестричка, я жутко волновался, мне так тебя не хватало. Они не сделали тебе ничего плохого? Я готов их всех убить, честное слово!”

Но увы, мой брат не такой.

Только взглянул на меня недовольно: где тебя носило столько времени?

И, не обращая больше внимания на спасенную сестру, снова стал дергать струны.

* * *

Я часто думаю о мадам Воблано, о тех ужасных днях в Сушильне. Нет, мне не хочется ей отомстить, я даже совсем на нее не злюсь. Просто мне грустно. Если бы я была очень смелой и доброй, я бы не испугалась черных вертолетов, вернулась бы туда и спасла ее от болезни, которая истязает ее пострашнее, чем рак, и не дает ей жить. Врачи — молодцы, они здорово умеют придумывать непонятные названия для новых болезней, с которыми сталкиваются. Но у меня нет ни таких талантов, ни такой любви к непонятному. Болезнь мадам Воблано я бы назвала просто — страх, она ведь до смерти боится радости, которую могут дать слова.

XVII

Я думала, после всех треволнений мне дадут как следует выспаться. Плохо же я знала месье Анри. Он выглядел беззаботным и веселым, но вообще-то он ужасно упорный, иначе как бы он мог днем и ночью подстергать рифму.

На рассвете он появился в дверях моей хижины. Как вы можете догадаться, Тома бросил меня в одиночестве. Чтобы проводить больше времени со своей новой подругой-гитарой, он перешел жить в соседнюю хижину, где обитал его учитель.

— Вставай, пора на урок. Все-таки ты тут не на каникулах. Тебе надо заговорить как можно быстрее. Больше откладывать

нельзя. А то твое правое полушарие, где у людей рождаются фразы, станет безжизненной пустыней, а язык — сереньким и плоским, как рыбки на солнце, и придется тебе только слюнки глотать, больше твой рот уже ни на что не сойдется.

Как вы понимаете, от таких угроз я быстренько спрыгнула с кровати. И через минуту уже шагала куда-то со своим спасителем.

— У мадам Воблано свои приемчики. А у меня — свои. Ты часто бывала на фабриках? Нет? Ну неважно. Фабрика, куда мы идем, — особенная. И очень важная. Может, это вообще самая главная фабрика на свете. А теперь надевай-ка эту маску пчеловода и вот этот белый плащ. Уничтожьер ведь не оставит тебя в покое так просто. Будет немного жарко. Но все равно придется тебе надевать этот костюм каждый раз, как выходишь на улицу, пока Уничтожьер о тебе не забудет. Может, придется ходить так довольно долго. Память у него хорошая.

* * *

— Я ждал вас раньше...

Директор самой главной фабрики на свете разглядывал меня довольно бесцеремонно. Он был высоченный. Человек-жираф, костлявый, будто скелет, на который, чтоб не пугать людей, наклеили немного кожи. Я чуть не расплакалась. Стоило убежать от мадам Воблано, чтобы попасть в лапы к этому типу. Неужели теперь до конца моих дней меня будут терзать любители грамматики? Кстати, почему они все такие худющие? Когда мы отправились осматривать фабрику, месье Анри шепотом пояснил:

— Вид у директора жутковатый. Но на самом деле он очень добрый. Просто так любит слова, отдает им столько времени и ночью, и днем, что забывает поесть. Поэтому он такой худой. Раз в месяц его приходится запирают. Открывают ему рот и кормят. Иначе он бы уже умер.

У меня нашлось другое объяснение, правильное или нет — не знаю, судите сами. Грамматика ведь изучает структуру языка, его костяк. Поэтому у любителей грамматики скелет всегда на виду. Ладно, я знаю, среди них есть и толстые. Но не зря же говорят, что грамматика — это сплошные исключения.

* * *

Первым помещением самой главной в мире фабрики оказался огромный вольер, внутри которого порхало множество бабочек.

— Надеюсь, они тебе знакомы? — спросил директор-жираф.

Я кивнула (наконец-то можно снять мою сетку пчеловода). Это были существительные — мои друзья из города слов. Они узнали меня, слетелись поближе к сетке, замахали мне крыльями.

— Похоже, ты им нравишься.

На директора явно произвела впечатление та радость, с которой слова меня приветствовали. Он улыбнулся мне (хотя это больше напоминало оскал: трудно улыбнуться, когда у тебя только кожа да кости). Я была счастлива. На фабрике меня признали!

Мы перешли к большому застекленному пространству, где на нескольких этажах располагались остальные слова. Они деловито сновали во все стороны, не останавливаясь ни на минуту, словно муравьи.

— А этих узнаёшь?

По моему смущенному виду он догадался, что нет.

— Это глаголы. Погляди на них, настоящие трудоголики. Работают без передышки.

И правда. Муравьи-глаголы гнали, держали, слышали, дышали; они смотрели, видели, ненавидели, терпели, вертели, зависели; они пили, шили, копошились, тормозили, потрошили, ворошили, петушились. Шум стоял просто оглушительный. Рабочий день в дурдоме: каждый вкалывал истово, не обращая никакого внимания на остальных.

— Глаголы не могут сидеть сложа руки, — объяснил директор-жираф, — такой у них характер. Грудятся двадцать четыре часа в сутки. Видишь, вон тот, например, так и сует повсюду.

Я не сразу его разглядела в этом хаосе и суете. А, да вот же он — глагол “быть”. Надо же, какой предупредительный! Носится от одного глагола к другому, предлагает помощь: “А вам не надо ли пособить? А вас не поставить в будущее время?”

— Видишь, какой вежливый? Есть языки, в которых таких глаголов несколько. Называют их “вспомогательными”, потому что они помогают другим. Ну а теперь — иди сюда. Будешь сама строить предложение.

И он протянул мне сачок для бабочек.

— Начни с самого простого. Иди в вольер и выбери два существительных. Потом зайдешь за глаголом в муравейник. Ну давай, не робей, они же тебя знают и ты им нравишься, так что не укусят.

Хорошенькое дело, посмотрела бы я, как сам директор-жираф с ними справляется. Не успела я открыть дверь, как они налетели на меня, так что стало нечем дышать и ничего не видно, они дрались между собой, набивались мне в нос, в глаза, в уши — я расчихалась и закашлялась, чуть не задохнулась, каждое слово хотело, чтобы я выбрала именно его: наверно, они ужасно соскучились здесь, за решеткой. Едва дер-

жась на ногах, я схватила за крылышки два слова, первые попавшиеся: “цветок” и “диплодок”, и захлопнула дверь — меня трясло, в глазах рябило, еще бы чуть-чуть, и конец.

Но жираф не дал мне ни секунды передышки.

— Теперь иди выбирай глагол.

Наученная горьким опытом, я просунула к ним только руку. И ее тут же потоптали облизали покусали поклевали, а еще приласкали почесали расписали, почистили украсили в-бочке-заквасили... Надо было видеть, с какой радостью муравьишки-глаголы все это проделывали. Меня растрогали эти знаки внимания, и я дала им несколько секунд поработать, а потом вытащила руку с одним прихваченным наугад глаголом «жевать».

— Отлично, теперь давай к автомату с артиклями и возвращайся сюда.

Артикли оказались более послушными. Две колонки: мужской род и женский, я нажала на кнопку, и мне в руку шлепнулись два нужных артикля — для двух существительных.

— Молодец, теперь садись за стол, вот здесь, выкладывай свои слова на бумагу и строй предложение.

Я все еще держала слова за крылышки: они достались мне так трудно, что я не решалась их выпустить, вдруг они возьмут и улетят? Ведь для слов предложение — это вроде тюрьмы. Конечно, им больше нравится гулять на воле, как в том замечательном городе, который нам показал месье Анри.

Он-то мне и помог.

— Не бойся бумажного листа, Жанна. Словам нравится бумага, как нам — песочек на пляже или чистые простыни. Стоит им коснуться страницы, как они успокаиваются, становятся смиренными, чуть ли не мурлычат от удовольствия: попробуй, сама увидишь, это такое прекрасное зрелище — слова на белом листе.

Я послушалась. Выпустила “цветок”, потом “жевать”, потом “диплодок”. Месье Анри меня не обманул: действительно, бумага была для слов как родной дом. Они улеглись на страницу и тут же перестали суетиться, прикрыли глазки и притихли, как дети, когда им рассказывают сказку.

— Ну как, довольна?

Я загляделась на них, но голос директора-жирафа вернул меня к реальности. Я посмотрела на предложение, которое у меня получилось, это была моя первая фраза после крушения, — вышло забавно: “Цветок жевать диплодок”.

— Где это ты такое видела? Чтобы хрупкое растение сожрало такую громадину! Знаешь, если в предложении два существительных, скорее всего, одно из них будет подлежащим — это тот, кто совершает действие, а другое — дополнением, потому что это слово дополняет мысль, которую передает глагол...

Пока он говорил, я быстренько поменяла существительные местами. “Диплодок жевать цветок”.

— Да, так, пожалуй, получше. Честно говоря, я точно не знаю, ели эти огромные ящеры цветы или нет. Ну ладно. Теперь нам надо разобраться с глаголом. “Жевать” — это слишком неопределенно. Непонятно, когда это было и кто, собственно, жует. Прежде всего надо выбрать для глагола время. Давай, Жанна, сосредоточься, осталось немного. Видишь, вон там большие часы? Иди к ним. И выбирай.

* * *

Над деревянным помостом — целая батарея стенных часов с большими медными маятниками. С высоты своих циферблатов они как будто следили за порядком на самой главной в мире фабрике.

Поднимаюсь на этот помост, держа в руке лист со своей коротюсенькой фразой, сердце у меня колотится.

Подхожу к первым часам. С маятником все в порядке. Он качается, как и положено, вправо-влево, туда-сюда. В корпусе у часов прорезь, как щель почтового ящика. Я догадалась, что в нее-то и надо вложить мой листок. Послышался скрежет шестеренок, часы пробили трижды. И листок вывалился назад, только предложение немного изменилось: “Диплодок жует цветок”. Тут я заметила на часах табличку: ЧАСЫ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ.

Увидев, что месье Анри весело машет мне рукой, продолжаю свое путешествие во времени. Рядом еще часы, одни и другие, на обеих табличках значится: ЧАСЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ. Их маятники ведут себя как-то странно: наклонились влево и не возвращаются. Сломались, что ли? И почему для прошедшего времени недостаточно одних часов? Что такого непонятного в прошлом? Это царство того, что минуло и больше не вернется.

— Попробуй и те и другие. Сама поймешь.

Я вложила листок по очереди в прорезь одних часов и других, потом сравнила. Месье Анри прочитал у меня через плечо и объяснил:

— “Диплодок жевал”. Глагол несовершенного вида. Да, это прошедшее время, но получается, что действие длилось, а чем оно закончилось, еще непонятно. Чем диплодоки занимались целый день с утра и до вечера? Они жевали. А удалось им прожевать несчастный цветок? Кто же их знает. А вот тут “сжевал” — это да, это совершенный вид. То есть он начал жевать и точно известно, что закончил. Диплодок был страшно голоден, ничего больше ему не попало, и он сжевал цветок. Так что не осталось ни лепестка. Понимаешь?

Да, с совершенным видом все совершенно ясно. Я перешла к соседним ЧАСАМ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ. Их маятник тоже застыл в странном положении, только он качнулся не влево, а вправо — и там остался. Я вставила листок в прорезь, и вместо “жевать” мне было выдано “сжует”. Диплодок пробрался в будущее: завтра у него будет легкий цветочный обед!

У последних часов в высоком корпусе маятник болтался куда ни попадя. Он раскачивался во все стороны, выписывая странные вензеля, будто это не маятник, а флюгер.

— А это условное наклонение, — подсказал месье Анри. Тут никакой определенности, может случится все что угодно — все зависит от разных условий. Если бы на планете было теплее и ледники отступили, то диплодок бы жевал... — чувствуешь? Может, он еще когда-нибудь и пожует... откуда нам знать?

Настоящее, прошедшее, будущее, условное наклонение... Я закрыла глаза и аккуратно разложила у себя в голове все эти признаки глаголов.

— Слушай, Жанна, мне пора идти. Фабрика в твоём распоряжении. Видишь, я сказал тебе правду. Нет фабрик важнее этой. Что и на каком заводе можно изготовить такого, что бы заменило людям речь? Думаю, как тут все работает, ты поняла. Магазин прилагательных найдешь за вольером с существительными. Есть еще автомат с предложениями, чтобы присоединять дополнения, например: уехать В Париж, возвратиться ИЗ Нью-Йорка. И последний совет: не забудь про бумагу. Ты ведь видела, только она может приручить слова. В воздухе они ведут себя слишком непоседливо. Все, я пошел. Хороших тебе фраз! Покажи мне вечером, что у тебя получится. А меня ждет песня.

Похлопал меня по плечу и ушел.

Месье Анри, он такой. Только и слышишь: меня ждет песня. Как будто это не песня, а подруга, нежная любимая женщина, которая может исчезнуть, возьмет и растает в воздухе, если он не придет вовремя.

Да, вы правы, меня мучила ревность. С тех пор я часто мечтала, что сама стану песней. Несколько строчек, музыка... Когда-нибудь поздно ночью я попрошу своего мужа, шепотом, на ушко, чтобы он меня напел, тихонечко промурлыкал. Не какую-нибудь там мелодию для меня, припевчик, а меня саму. Это будет самое нежное признание в любви.

XVIII

Целый день я играла со словами, как в детстве в кубики. Я складывала их, меняла местами, придумывала сложные конструкции. На фабрике нашлись разные автоматы. Один выдавал

междометия: “Ого!”, “Эй!”, “Ух ты!”, “Ой!” или “Огого!”. Другой — союзы, вроде “и”, “но”, “а”, “к тому же”, “следовательно” — полезные словечки, ими можно связать части предложения в одно целое.

Потихоньку мой диплодок раздувался, вытягивался, рос, вот он уже извивался, как речка, не помещался на странице...

Когда директор-жираф взглянул на мою работу, он даже глаза протер от удивления: “В непролазной лесной чаще гигантский, зеленоватый диплодок, плача, признался своим друзьям, что он по ошибке сжевал нежный и редкий, едва распустившийся бутон — не из какой-нибудь Европы или Америки, а из Азии, — затерроризированный коммивояжер продал его диплодоку втридорога, потому что его белокурая и сварливая круглолицая невеста, которую он, несмотря ни на что, безумно любит, ждет этого цветка не дождется вот уже долгие годы”.

— Знаешь, предложение похоже на новогоднюю елку. Сначала перед тобой просто зеленые ветки, и ты украшаешь их, как тебе нравится, вешаешь одно, другое, третье... но в конце концов елка может упасть под их тяжестью. С предложениями тоже нужно быть поосторожней: повесишь слишком много гирлянд и шаров, то есть прилагательных, наречий, причастных, — и предложение может рухнуть, как елка.

Я решила, что теперь буду собирать конструкции полегче.

— Не волнуйся. У начинающих фразы часто бывают перегруженными. Фабрика в твоём распоряжении. Ты можешь играть со словами сколько хочешь, как все, кто живет на острове. Вот смотри.

Я обернулась. Составляя фразу, я так увлеклась, что совершенно не обратила внимания на других посетителей фабрики. А их тут было немало: десятки мужчин и женщин самого разного возраста играли в слова, как и я. Они бегали от вольеров к автоматам, осаждали часы и ахали от радости, когда на бумаге получалась такая фраза, как им хотелось, а еще лучше — что-нибудь неожиданное.

— Любители слов похожи на ювелиров. Нанизывают свои жемчужины и золотые бусины. Но слова — не просто украшения. Они могут говорить правду.

— А что там, за дверью?

Жираф глянул на меня с улыбкой:

— Ты слышала? Это же ты сказала! Выходит, ты поправились? Наконец-то мадемуазель Жанна снова заговорила. И все ужасы той бури позади!

Мадемуазель Жанна вспыхнула. И чуть не разревелась. Только она у нас гордая, поэтому сдержалась. Кроме того, маде-

муазель Жанна хорошо воспитана. Поэтому она сказала “спасибо”. Но к тому же и упряма. Так что она повторила свой вопрос:

— Что там — за дверью?

— Это единственное место на моей фабрике, куда ходить нельзя. А теперь возвращайся к месье Анри, пусть он порадуется твоemu голосу, новенькому и свежему. Слышишь, там музыка? Скоро будет праздник.

XIX

Все население острова собралось на берегу, на том самом пляже, куда нас выбросило море.

Как странно!

Одни смеялись, пели, обнимались.

Другие куксились, печалились и злились.

Что происходит?

Как обычно, месье Анри угадал мой вопрос, и, не успев я раскрыть рот, у него уже был готов ответ. Как будто он слышит мои мысли. Может, это и называется “абсолютный слух”? Уже целая туча вопросов роилась у меня в голове. Интересно, так слышать могут только музыканты? Или наши мысли слышны еще и друзьям, самым близким, конечно? Тогда выходит, что дружба — разновидность музыки?

— Жанна, ты меня слушаешь?

— Простите, я задумалась про разные разности.

— Приятно, когда люди задумываются про разные разности, тем более в такую жару. Даже если они забывают сказать “спасибо”...

— Спасибо? А кому? И за что?

— Но ты, кажется, заговорила? Или ты не рада, что снова обрела дар речи?

— О, простите!

Я чуть не умерла со стыда. На глаза навернулись слезы (заплакать все-таки проще, чем умереть, особенно девчонкам). И я бросилась на шею к месье Анри (я давно заметила, что мужчины обычно не могут спокойно смотреть, как мы плачем).

— Успокойся, ты не виновата, ты же думала про разные разности...

— Ну пожалуйста, не надо так шутить! Лучше объясните мне, что здесь происходит.

— Мы празднуем день рождения нашей словистки. Правда, никто не знает, когда она родилась. Но какое это имеет значение?

Тут послышался какой-то вой, похоже, мое имя... Что-то среднее между злобным лаем и радостным мурлыканьем. “Жанна!” — а, так это мой братец.

— Где ты была? Я тебя всюду ищу. (Врун!) Хочешь послушать, чему я сегодня научился?

— Тома, ты тоже заговорил!

— Это все музыка. Она навела порядок у меня в голове.

— Сольфеджио и грамматика, выходит, одна компашка?

— Точно.

Месье Анри и его племянник куда-то пропали. Растворились в праздничной толпе. Мы остались с братом одни, в кругу семьи, так сказать. Неподалеку гигантская черепаха откладывала яйца в песок, спокойно, деловито, не обращая никакого внимания ни на нас, ни на шум праздника. Вот кому я завидую. Я бы тоже хотела нести яйца. Попозже, когда придет срок заводить детей. Снести яйцо, наверно, не так больно, как рожать ребенка. А мой брат играл на гитаре. Какой-то новый свет озарял его лицо. Он играл “Мишель” “Битлз” и, надо сказать, неплохо играл, даже почти не фальшивил. Может быть, для него родным языком были не слова... Я поняла, почему так часто слышала от него гадости. Музыка прекратилась. Наверно, он закончил. Я захлопала в ладоши. Чтобы его порадовать. Если хочешь мира в семье, радуй братика двадцать четыре часа в сутки, а то как же?

— Кстати...

У Тома свой специальный способ сообщать мне важные новости: в таких случаях он смотрит в сторону. Ох, жаль мне его будущую жену.

— Кстати, завтра приедут папа и мама. Прилетят за нами, на гидроплане.

— Вместе?

— Вечно ты чушь несешь...

— Надеюсь, остров им поможет.

— Знаешь, сколько лет они не разговаривают? Думаешь, станут общаться в гидроплане?

— Вряд ли. Там такие громкие моторы.

XX

Вот и дверь.

“Можешь ходить по всей фабрике, — сказал мне директор-жираф, — но никогда, слышишь, ни в коем случае не открывай эту дверь”.

А у меня как раз оставалось еще чуть-чуть времени, пока не стемнеет.

Их там было трое, за дверью, всего трое, каждый сидел и писал что-то свое.

Я подошла к одному.

— Ты кто?

— Писатель и летчик.

— А где твой самолет?

— На дне моря.

— Не скучаешь без него?

— У меня же есть слова. Если с ними дружишь, они могут заменить все, даже разбившийся самолет.

— Как тебя зовут?

— Антуан. Но обычно меня называют Сент-Экс.

— А ты не родственник Сент-Экзюпери, который “Маленького принца” написал?

— Это я и есть. Меня приютили здесь, на острове, как и тебя. Тут как раз подходящее место для мертвого писателя.

— Но какой же ты мертвый, ты же со мной говоришь!

— Я живой, только пока пишу. Если ты не дашь мне поработать, я снова умру. Так что я, пожалуй, займусь делом. Удачи тебе, Жанна.

— И тебе.

Перед уходом я не удержалась и заглянула ему через плечо — интересно же, что он пишет. Фразы были короткие.

“Точно желтая молния мелькнула у его ног. Мгновенье он оставался недвижим. Не вскрикнул. Потом упал — медленно, как падает дерево. Медленно и неслышно, ведь песок приглушает все звуки”¹.

Второй был очень бледный, с тонкими усиками — как темная черточка над верхней губой. Он обил свою хижину пробковыми обломками, раньше они служили поплавками для сетей, а теперь море выбросило их на берег. Он сидел среди этих пробковых поплавков и писал. Поднял на меня глаза и улыбнулся, улыбка у него была нежная, грустная, и от нее щемило в груди.

— Как тебя зовут?

— Жанна. А тебя?

— Марсель.

— Я думала, так давно никого не называют.

— А я и жил давно.

1. Отрывок из “Маленького принца” Антуана де Сент-Экзюпери, перевод Норы Галь.

Он так запыхался, будто быстро бежал. Но на спортсмена этот человек был совсем не похож. И вообще, со здоровьем у него, кажется, так себе. Я решила, что буду навещать его почаще и заботиться о нем.

— Тебя интересуют фразы?

Я кивнула.

— Боюсь, что мои покажутся тебе слишком длинными.

Я наклонилась над листом.

“В раме окна маячила молодая женщина с задумчивым лицом, в элегантных развевающихся одеждах, по всему видать, не здешняя, приехавшая, как говорят в народе, ‘похоронить себя в глуши’, насладиться горьким сознанием того, что никому здесь не знакомо ее имя, а главное, имя человека, чье сердце она не сумела сохранить; из окна ей была видна только лодка, причаленная у входа”¹.

— Что скажешь?

— Я ничего не поняла. Но почему-то мне кажется, что мне будет интересно читать твои фразы потом, когда я вырасту.

Тут я догадалась, почему он задыхался. Наверно, это длинные предложения обматывались вокруг шеи и мешали ему дышать.

— Почему ты пишешь такими длинными фразами?

— Если хочешь поймать рыбу, которая плавает у самой поверхности, можно ловить на короткую леску с одним крючком. А для других, глубоководных рыб нужны очень длинные снасти.

— Как твои предложения?

— Да, ты все правильно поняла. Теперь, пожалуйста, дай мне поработать. Когда я отвлекаюсь от своих фраз, мне еще труднее дышать.

— Мне так тебя жалко. Я буду тебя защищать, всегда.

— Спасибо, Жанна.

* * *

Издаലെка это было похоже на птичий двор, пополам с зоопарком. Или как будто идет посадка в Ноев ковчег. Там были волки, ослы, собаки, попугаи, два быка, лисица, заяц, мыши, орел, двенадцать львов и львица, а еще свинья, лебедь, рак...

1. Эрик Орсенна не называет фамилии писателя: во Франции всем ясно, что раз его зовут Марсель, он писал длинными предложениями и задыхался (потому что у него была астма) — это Марсель Пруст. Фрагмент из первого тома его романа “В поисках потерянного времени” дан в переводе Елены Баевской.

Только потом я заметила человека, вокруг которого резвился весь этот зверинец. Он был в широкополой крестьянской шляпе. Но, похоже, он тоже писатель, как и два предыдущих, потому что в руке он держал открытую записную книжку, а за ухом у него торчало отточенное гусиное перо. Я подошла ближе и обнаружила, что он беседует со стрекозой и муравьем. Точнее, внимательнейшим образом слушает их разговор. Стрекоза веселилась, муравей трудился. Что важнее, радость жизни или забота о завтрашнем дне? Я терпеливо дождалась, пока они закончили свой спор.

— Извините, месье, что прерываю, меня зовут Жанна. А что, писателю всегда надо, чтобы вокруг было побольше зверей, насекомых?

— Ремесло писателя в том, чтобы открывать истину. А ближайшая спутница истины — свобода. Поскольку животное по своей природе свободнее людей, никто не обращает внимания на его речи, кроме писателей.

Не уверена, что я все правильно поняла. Похоже, этот человек, как и месье Анри, очень любил рифмы. Но долго думать было некогда. Стрекоза мне улыбалась, а вот львы довольно грозно рычали. Пора удирать, но мне все-таки хотелось взглянуть на то, что он писал. Я собралась с духом.

— Простите, месье, не могли бы вы мне показать какую-нибудь из ваших фраз? Я собираю коллекцию... (Я знала, что, если хочешь понравиться автору, лезть никогда не помешает.)

— О, милая Жанна, если бы все нынешние дети были такими любознательными... Кстати, меня зовут Жан.

И мурылка от радости, он открыл блокнот.

— Вот эта басня, честно говоря, мне самому нравится. Думаю, она принесет мне славу: “И в сердце льстец всегда отыщет уголок”.

Я уже собралась хлопать в ладоши (браво! как точно сказано, и лаконично, ваши басни просто гениальны!), но тут чьи-то костлявые пальцы ухватили меня за плечо.

— Что ты здесь делаешь?!

На меня сердито смотрел разгневанный директор-жираф.

— Я ведь запретил тебе ходить в эту часть фабрики!

Мои новые друзья Антуан, Марсель и Жан пришли мне на помощь:

— Не беспокойтесь, Жанна нам не мешает, мы рады видеть ее здесь в любое время.

Жираф смягчился.

— Ты знаешь, который час? Сейчас же иди спать. Ведь завтра приезжают ваши родители, ты не забыла? Тебе надо выспаться, покажешь им остров.

Но перед тем как пойти спать, я тихонько задала ему вопрос, который мучил меня с той минуты, когда я открыла запретную дверь:

— Я не поняла, эти трое на самом деле живые или нет?

— Когда большому писателю приходит время умирать, слова — его друзья — в последний момент похищают его и переносят сюда. Чтобы он мог продолжать работу.

— А что значит “большой писатель”?

— Тот, кто строит свои фразы, не заботясь о моде, а думает только о том, чтобы отыскать истину.

— А смерть не пытается потом найти этих людей?

— Земля такая огромная, столько тайных мест, где можно спрятаться. А смерть, к счастью, не сильна в географии.

— Спасибо.

И я помчалась в нашу хижину.

XXI

Конечно, ночью я не спала.

Конечно, я звала их. Много раз.

Ничего не получилось. Может, у меня не хватало сил, чтобы вызвать их, пока они в воздухе.

А рядом в темноте Тома при свете фонарика снова и снова повторял на гитаре свою мелодию. Хотел сделать им сюрприз.

Я тоже придумала для них подарки. Я покажу им остров. Научу их составлять фразы.

Как только встало солнце, я была уже на ногах.

* * *

Все островитяне, в том числе директор-жираф, трое писателей со своими блокнотами и карандашами, белая дама-словистка и ее телохранитель-вентилятор, козы, лошади, свиньи собрались на пляже и так же, как мы, вглядывались в небо.

— Я их вижу! — закричал Тома, показывая на запад.

— Я тоже их вижу!

— Да нет, ты же смотришь в другую сторону!

— Жанна права. Ведь ваши родители прилетят с разных сторон.

Мы с Тома устали в песок. Сколько ни тренируйся, все-таки трудно привыкнуть, что твои родители развелись.

И тут мы услышали шум крыльев: это слова взлетали, все слова на острове — со словобазара, с фабрики, из города слов и даже из больницы, все, даже маленькая усталая фраза, и

редкие словечки из старых словарей, — все поднялись в небо и ринулись навстречу двум гидропланам.

— Что случилось? — спросил Тома.

Можно подумать, началось затмение. Тучи слов, их там были целые тысячи, заслонили от нас солнце.

— Смотрите, — сказал месье Анри.

Он взял гитару и запел:

Набегают волны синие.
Зеленые? Нет, синие.
Как хамелеонов миллионы,
Цвет меняя на ветру.
Ласково цветет глициния —
Она нежнее инея...
А где-то есть земля Дельфиния
И город Кенгуру.

Но слова одно за другим покидали его тихую песню и взмывали в небо, вслед за остальными.

— Видите, осталась одна музыка.

— Но что случилось? — снова спросил Тома.

Месье Анри улыбнулся.

— Слова — маленькие, но очень чуткие зверюшки. Они не могут вынести, что два человека друг друга разлюбили.

— Но почему? В конце концов, это ведь их не касается...

— А они считают, что касается. Для них конец любви — это когда на земле становится совсем тихо. А слова терпеть не могут тишины.

— Ну, если так...

И все же Тома сомневался:

— Ладно, про слова, которые называют чувства — верность, понимание, вечность — я понял... Но там, смотрите: сковородка, зубная щетка, пижама — обычные слова из обычной жизни, им-то какое дело до моих родителей, они же не имеют отношения к любви!

— Да, они называют самые обычные вещи из нашего обычного быта, но у них тоже есть мечты, как у нас, Тома, всё как у нас.

Я стояла молча.

Два гидроплана в окружении кортежа летучих слов садились на воду параллельными курсами.

И я решила задать вопрос, который меня мучил.

— А слова... они могут вернуть любовь?

Месье Анри покачал головой. Гитару он сегодня как-то странно забросил на плечо, как носят лопату или грабли.

— Слушай, Жанна... Ты уже большая, почти совсем взрослая. Так что я скажу тебе правду. Знаешь, не всегда. Слова не всегда могут вернуть любовь. И музыка не всегда. К сожалению.

К нам приближался оркестр: играли трубы, не меньше десятка барабанов радостно били в нашу честь, все громче и громче. Так что последние слова месье Анри почти прокричал:

— Но все равно надо пробовать. Люди пробуют, Жанна, уже много тысяч лет пробуют...

Два гидроплана покачивались на воде в центре лагуны, двери были еще закрыты. А птицы, обиженные, что на них не обращают внимания, взмыли высоко в небо и оттуда ревниво следили за происходящим.

От переводчика Послесловие

Те, кто прочел книгу Эрика Орсенна, поймут, почему так ошарашивает, в сопоставлении с ней, фрагмент одного из “Колымских рассказов” Шаламова. Дело в том, что процесс, который придумал французский писатель в детской книжке — казалось бы, выдуманная и не слишком реализуемая в жизни ситуация, нужная лишь затем, чтобы показать детям, будущим читателям книги, устройство и богатство языка, — вдруг оказывается совершенно реальным, да не где-нибудь, а в самых что ни на есть экстремальных условиях лагерной жизни. И так же, как Жанна держится за одно выбранное ею слово “мурашки”, как за спасательный круг, герой Шаламова возвращается к жизни, выкрикивая непонятное окружающим да поначалу и ему самому странное слово “сентенция”, совершенно несовместимое с той жизнью, которую он вынужден вести. И оно приводит за собой другие слова из прежней жизни, а с ними — по воле автора рассказа он построен именно так, — и саму жизнь. Это не что иное, как ценнейшее и жестокое в своей реальности свидетельство очевидца: именно так устроен человек, именно такое место занимает в нашей жизни язык — все это не поучительная история, выдуманная для впечатлительных детей и учителей словесности, а правда. Причем выясняется она в самых страшных местах, куда может закинуть судьба не в сказке, а в реальности, и не ребенка, а взрослого человека.

Перевод “Грамматики” Орсенна, вступление и послесловие были сделаны больше десяти лет назад. С тех пор произошло многое, из-за чего эти тексты читаются иначе. Умерла Новелла Матвеева. О Варламе Шаламове снят фильм Дмитрия Рудакова, так и названный “Сентенция” по этому рассказу 1965 года. И сейчас людям очень важно найти слово или слова, за которые можно держаться.

“Не один год я не видел газет и книг и давно выучил себя не сожалеть об этой потере. Все пятьдесят моих соседей по палатке, по брезентовой рваной палатке, чувствовали так же — в нашем бараке не появилось ни одной газеты, ни одной книги. Высшее начальство — прораб, начальник разведки, десятник — спускалось в наш мир без книг.

Язык мой, приисковый грубый язык, был беден, как бедны были чувства, еще живущие около костей. Подъем, развод по работам, обед, конец работы, отбой, гражданин начальник, разрешите обратиться, лопата, шурф, слушаюсь, бур, кайло, на улице холодно, дождь, суп холодный, суп горячий, хлеб, пайка, оставь покурить — двумя десятками слов обходился я не первый год. Половина из этих слов была ругательствами. Существовал в юности, в детстве анекдот, как русский обходился в рассказе о путешествии за границу всего одним словом в разных интонационных комбинациях. Богатство русской ругани, ее неисчерпаемая оскорбительность раскрылась передо мной не в детстве и не в юности. Анекдот с ругательством выглядел здесь как язык какой-нибудь институтки. Но я не искал других слов. Я был счастлив, что не должен искать какие-то другие слова. Существуют ли эти другие слова, я не знал. Не умел ответить на этот вопрос.

Я был испуган, ошеломлен, когда в моем мозгу, вот тут — я это ясно помню — под правой теменной костью — родилось слово, вовсе непригодное для тайги, слово, которого и сам я не понял, не только мои товарищи. Я прокричал это слово, встав на нары, обращаясь к небу, к бесконечности:

— Сентенция! Сентенция!

И захохотал.

— Сентенция! — орал я прямо в северное небо, в двойную зарю, орал, еще не понимая значения этого родившегося во мне слова. А если это слово возвратилось, обретено вновь — тем лучше, тем лучше! Великая радость переполняла все мое существо.

— Сентенция!

— Вот псих!

— Псих и есть! Ты — иностранец, что ли? — язвительно спрашивал горный инженер Вронский, тот самый Вронский. “Три табачинки”.

— Вронский, дай закурить.

— Нет, у меня нету.

— Ну, хоть три табачинки.

— Три табачинки? Пожалуйста.

Из кисета, полного махорки, извлекались грязным ногтем три табачинки.

— Иностранец? — Вопрос переводил нашу судьбу в мир провокаций и доносов, следствий и добавок срока.

Но мне не было дела до провокационного вопроса Вронского. находка была чересчур огромной.

— Сентенция!

Псих и есть.

Чувство злости — последнее чувство, с которым человек уходил в небытие, в мертвый мир. Мертвый ли? Даже камень не казался мне мертвым,

не говоря уже о траве, деревьях, реке. Река была не только воплощением жизни, не только символом жизни, но и самой жизнью. Ее вечное движение, рокот неумолчный, свой какой-то разговор, свое дело, которое заставляет воду бежать вниз по течению сквозь встречный ветер, пробиваясь сквозь скалы, пересекая степи, луга. Река, которая меняла высушенное солнцем, обнаженное русло и чуть-чуть видной ниточкой водной пробиралась где-то в камнях, повинуюсь извечному своему долгу, ручейком, потерявшим надежду на помощь неба — на спасительный дождь. Первая гроза, первый ливень — и вода меняла берега, ломала скалы, кидала вверх деревья и бешено мчалась вниз той же самой вечной своей дорогой...

Сентенция! Я сам не верил себе, боялся, засыпая, что за ночь это вернувшееся ко мне слово исчезнет. Но слово не исчезало.

Сентенция. Пусть так переименуют речку, на которой стоял наш поселок, наша командировка 'Рио-рита'. Чем это лучше 'Сентенции'? Дурной вкус хозяина земли — картографа ввел на мировые карты Рио-риту. И исправить нельзя.

Сентенция — что-то римское, твердое, латинское было в этом слове. Древний Рим для моего детства был историей политической борьбы, борьбы людей, а Древняя Греция была царством искусства. Хотя и в Древней Греции были политики и убийцы, а в Древнем Риме было немало людей искусства. Но детство мое обострило, упростило, сузило и разделило два этих очень разных мира. Сентенция — римское слово. Неделю я не понимал, что значит слово 'сентенция'. Я шептал это слово, выкрикивал, пугал и смешил этим словом соседей. Я требовал у мира, у неба разгадки, объяснения, перевода... А через неделю понял — и содрогнулся от страха и радости. Страх — потому что пугался возвращения в тот мир, куда мне не было возврата. Радости — потому что видел, что жизнь возвращается ко мне помимо моей собственной воли.

Прошло много дней, пока я научился вызывать из глубины мозга все новые и новые слова, одно за другим. Каждое приходило с трудом, каждое возникало внезапно и отдельно. Мысли и слова не возвращались потоком. Каждое возвращалось поодиночке, без конвоя других знакомых слов, и возникало раньше на языке, а потом — в мозгу" (В. Шаламов "Сентенция").